



**Джессика Соренсен**  
**Одиночество Новы**  
Серия «Нова», книга 1  
Серия «Сто оттенков любви»

*Текст предоставлен правообладателем*  
*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=14129030](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14129030)*  
*Одиночество Новы: роман : Азбука, Азбука-Аммикус; СПб.; 2015*  
*ISBN 978-5-389-10894-3*

**Аннотация**

Не поддаваться отчаянию, бросить вызов судьбе...

Раньше Нова Рид мечтала о том, что станет известным барабанщиком и выйдет замуж по сумасшедшей любви. Но все было отнято в одно мгновение, и теперь Нова ведет серую, унылую жизнь и делает такие вещи, какие прежняя Нова никогда не сделала бы. Но однажды она встречается Куинтона Картера. Его медовые ярко-карие глаза, полные страданий и боли, завораживают девушку.

Куинтон выглядит таким же несчастным и потерянным, как и сама Нова. Парня преследует страшное прошлое. Татуировки на его руке – это вечное напоминание о том, что он сделал и что потерял. Он поклялся, что никогда не позволит себе быть счастливым. Но красивая, милая Нова Рид заставляет Куинтона улыбнуться впервые за несколько лет. Она единственная, кто заставляет его почувствовать себя живым и задуматься, стоит ли платить за старые грехи вечно...

Впервые на русском языке!

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 5  |
| Глава 1                           | 10 |
| Глава 2                           | 17 |
| Глава 3                           | 21 |
| Глава 4                           | 34 |
| Глава 5                           | 37 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 39 |

# **Джессика Соренсен**

## **Одиночество Новы**

### ***Роман***

Jessica Sorensen

Breaking Nova

Copyright © 2013 by Jessica Sorensen

© О. Полей, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа  
„Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА®

## Пролог

### Нова

Иногда я думаю, что бывают такие воспоминания, которые наше сознание не желает воспринимать и при определенном усилии сможет замазать эти картинки, отгородиться от них, заглушить боль, связанную с увиденным. Если не противиться этому, то глухое бесчувствие поглотит все до последней искры жизни в душе. И в конце концов от человека останется одно лишь тусклое воспоминание.

Я не всегда так думала. Раньше у меня была надежда, была жизнь – раньше я во что-то верила. Например, когда отец сказал мне, что если чего-то очень-очень захотеть, то это непременно сбудется.

– Никто на свете ничего за тебя не сделает, Нова, – говорил он, когда мы лежали на холме у нас на заднем дворе и смотрели на звезды. Мне было шесть лет, я была счастливой и немного наивной – слушала раскрыв рот, словно сахар горстями глотала. – Но если ты чего-то очень сильно захочешь и не поленишься как следует потрудиться, тогда для тебя не будет ничего невозможного.

– Ничего невозможного, – повторила я, повернув к нему голову. – Даже если я захочу стать принцессой?

Отец улыбнулся в темноте, и он выглядел по-настоящему счастливым.

– Даже принцессой.

Я заулыбалась, глядя в небо, и стала думать, как чудесно ходить в бриллиантовой короне, и в розовом платье с блестками, и в таких же туфельках на высоком каблуке. Я бы тогда все кружилась и смеялась, и платье кружилось бы вместе со мной. Мне и в голову не приходило задумываться о том, что это значит в действительности – быть принцессой, и о том, что на самом деле мне ею никогда не стать.

– Земля вызывает Нову! – Мой парень Лэндон Эванс машет рукой перед моим лицом.

Я отрываю взгляд от звезд и поворачиваю голову набок, чтобы посмотреть ему в глаза.

– Что такое?

Лэндон смеется, однако смех у него выходит какой-то неестественный, словно бы не к месту. Но с ним часто так. Лэндон – художник. Он говорит: чтобы вложить всю свою боль в картины, приходится постоянно носить ее с собой.

– Ты где-то в облаках витаешь.

На крыльце горит флуоресцентная лампочка, и в ее свете медово-карие глаза Лэндона кажутся черными, словно уголь, которым он рисует свои эскизы.

Я переворачиваюсь на бок и кладу руки под голову – теперь я могу смотреть на него по-человечески.

– Извини, просто задумалась.

– И глубоко задумалась, судя по твоему лицу. – Лэндон тоже переворачивается на бок и подпирает рукой подбородок, пряди иссиня-черных волос падают ему на глаза. – Хочешь об этом поговорить?

– Нет, – качаю я головой, – разговаривать что-то не тянет.

В ответ Лэндон улыбается чуть заметной, но искренней улыбкой, и моя грусть тут же испаряется. Это одно из тех качеств, которые я особенно люблю в Лэндоне. Он единственный человек в мире, который может вызвать у меня улыбку, не считая моего отца, но отца уже нет в живых, так что улыбки для меня теперь редкость.

Мы с Лэндоном были лучшими друзьями, пока не стали встречаться с полгода назад, и, наверное, поэтому мне с ним так хорошо. Прежде чем в дело вступили всякие там поцелуи и гормоны, между нами установилась более прочная связь. Конечно, нам всего по восемнадцать, мы еще и школу не окончили, но иногда, когда я сижу одна в своей комнате, представляю нас через годы – все еще влюбленных друг в друга, а может, уже готовящихся к свадьбе. Это странно: после смерти отца я долго не могла представить свое будущее, не хотела представлять. Но все меняется. Люди развиваются. Живут новым днем. Растут, когда в их жизнь входят новые люди.

– Я видела ту картину, что ты написал для проекта по живописи, – говорю я и убираю ему волосы с глаз. – На стене у мистера Фелмона висела.

Лэндон хмурится. Он всегда хмурится, когда разговор заходит о его картинах.

– Совсем не то вышло, что я хотел.

– Кажется, тебе было грустно, когда ты ее писал, – говорю я и опускаю руку на бедро. – Но у тебя же все картины такие.

Последние искорки радости пропадают с его лица, Лэндон переворачивается на спину и переключает внимание на испещренное звездами небо. Он долго молчит, и я тоже переворачиваюсь на спину и не пристаю к нему больше – понимаю, что он ушел в себя. Лэндон – один из самых печальных людей, каких я знаю, и отчасти поэтому меня тянет к нему.

Мне было тринадцать лет, когда Лэндон переехал в дом напротив, через улицу. Когда я его в первый раз увидела, он сидел под деревом у себя во дворе и что-то черкал в альбоме, и я решила подойти и познакомиться. Это было вскоре после того, как умер мой отец, и я, вообще-то, сторонилась людей, но Лэндон... Что-то в нем было.

Я перешла через улицу – ужасно стало любопытно, что он там рисует. Я остановилась прямо перед ним, Лэндон поднял голову, и меня поразило, сколько боли в этих медово-карих глазах – какое в них страдание и душевная мука. Никогда я не видела таких глаз у моих сверстников. Хотя я и не знала, откуда эта боль, но сразу поняла, что мы подружмся, потому что Лэндон с виду был такой же, какой я ощущала себя внутренне: словно меня разбили на части и эти части никак не соединить. Мы и вправду стали лучшими друзьями – и даже больше чем друзьями. Мы были почти неразлучны, не могли жить друг без друга, и мне всегда очень-очень плохо без него. Когда Лэндона нет рядом, я ощущаю себя потерянной и лишней в этом мире.

– У тебя никогда не бывает такого чувства, что мы все просто заблудились? – спрашивает Лэндон, снова вырывая меня из моих мыслей. – Просто бродим по земле и ждем смерти.

Я закусываю губу, задумавшись над его словами, и высматриваю на небе Кассиопею.

– Ты что, правда так думаешь?

– Не знаю, – произносит Лэндон; я поворачиваю голову и вглядываюсь в его безупречный профиль. – Но иногда я не могу понять, в чем смысл жизни. – Он умолкает и, кажется, ждет моего ответа.

– Не знаю. – Я ломаю голову, что сказать. Но не могу придумать ничего внятного, разумного, чтобы развеять его мрачные мысли о смысле жизни, и просто говорю: – Я люблю тебя.

– Я тоже люблю тебя, Нова, – отвечает он, не глядя на меня, а затем протягивает руку, находит в траве мою ладонь и переплетает наши пальцы вместе. – И это правда. Я люблю тебя.

Мы лежим, затерянные в ночной тишине, и смотрим, как мерцают и гаснут звезды. Так спокойно и в то же время тревожно, потому что я никак не могу отключить мысли. Я беспокоюсь за Лэндона, когда на него находит такое угнетенное состояние. Как будто он удаляется в свой маленький мирок, сотканный из угрюмых мыслей и мрачного будущего, и мне не достучаться до него, сколько бы я ни старалась.

Мы молчим и, держась за руки, смотрим на звезды. Наконец я засыпаю, уткнувшись лицом в траву, ощущая кожей прохладный весенний ветерок и пальцы Лэндона, гладящие мою ладонь. Когда я просыпаюсь, в сером свете утра уже не видно звезд, в рассветном зареве пропала луна, а трава вся мокрая от росы. Первое, что я замечаю, – это что Лэндон уже не держит меня за руку, и от этого в ней осталось ощущение пустоты, словно ее отрезали по самое плечо.

Я сажусь, протираю глаза и потягиваюсь, окидывая взглядом задний двор в поисках Лэндона. Мне приходит в голову только одно: наверное, он пошел в туалет, иначе никогда не бросил бы меня одну, спящую, на заднем дворе.

Я встаю, отряхиваю с ног травинки и начинаю подниматься на невысокий холм, к двухэтажному дому в конце двора. Путь кажется ужасно долгим, потому что я устала и не выспалась – утро совсем еще раннее. Подойдя к заднему крыльцу, достаю из кармана телефон, чтобы послать Лэндону эсэмэску, спросить, где он. Но тут замечаю, что задняя дверь открыта, и неожиданно для себя вхожу, хотя это совсем на меня не похоже. У меня нет привычки заходить в дом к Лэндону без приглашения. Я всегда стучусь, даже если он пишет в эсэмэске, чтобы я проходила прямо к нему в комнату.

Но в этот раз что-то так и тянет меня переступить порог. В кухне холодно, и я думаю: сколько же времени дверь была открыта? Я вся дрожу, обхватываю себя руками, проходя через кухню в коридор. Родители Лэндона спят наверху, поэтому я стараюсь ступать бесшумно, направляясь в комнату Лэндона – она внизу, в полуподвале. Ступеньки скрипят под ногами, я спускаюсь не дыша – кто знает, что будет, если родители проснутся и увидят, как я тайком пробираюсь в комнату их сына.

– Лэндон, – шепчу я, остановившись у дальней стены напротив его спальни. Здесь темно, не считая слабого проблеска света в окнах. – Ты тут?

В ответ – тишина, и я уже готова развернуться и снова подняться наверх. Но тут до меня долетают слова незнакомой песни, едва слышные за какими-то глухими ударами. Я подхожу ближе к его комнате, стук становится громче, и музыка тоже.

– Лэндон, – повторяю я, подходя к закрытой двери, и нервы у меня натягиваются как струна. Не знаю, почему я так нервничаю. А может, и знаю. Может быть, давно уже поняла, только не хотела себе признаваться.

Дрожащими руками я поворачиваю дверную ручку. Открываю дверь, и каждое слово, сказанное мне когда-то Лэндоном, вдруг обретает смысл, так же как и мудрые слова моего отца. Пронзительные слова песни, льющиеся из стереодинамиков, словно обволакивают меня, а вместе с ними – какой-то вечный холод. Моя рука безжизненно падает, я стою на пороге не мигая. Мне хочется, чтобы то, что я вижу перед собой, исчезло, пропало из сознания, стерлось из памяти. Снова и снова я заклинаю: пусть ничего этого не будет, снова и снова повторяю себе, что если сильно-сильно захотеть, то так и случится. Я начинаю в уме обратный отсчет, стараясь думать только о порядке цифр и о ритме, и через несколько минут сердце застывает в оцепенении. Как я и хотела, все вокруг тускнеет, я уже ничего не чувствую. Падаю на пол, падаю тяжело, но боли не испытываю.

И каждый раз, когда я снова думаю о том, что увидела в тот день, ни картин произошедшего, ни чувств больше нет. Все исчезло.

## Куинтон

Я еду слишком быстро. Я это понимаю и знаю, что надо бы сбросить скорость, но все ноеут, чтобы я прибавил, ведь надо поскорее добраться до дому, иначе мы в «комендантский час» не уложимся. Иногда мне самому непонятно, как это я вечно вляпываюсь в такое дерьмо. Нет, ничего особенного, конечно. Наверное, можно было бы оттянуться куда круче,

если надраться, как все, – весенние каникулы все-таки. Отчего бы и мне не оттянуться. Роль вечного водителя меня не очень-то радует, но все время так получается, что я сам вызываюсь, – вот и теперь сижу за рулем с кучей пьяных идиотов.

– Не курите здесь. – Я открываю окно, когда в машине начинает пахнуть дымом. – Моя мама за мною унюхает, а тогда не разрешит мне больше брать ее машину.

– Да ладно тебе, Куинтон, – дуется Лекси, моя девушка, глубоко затягивается сигаретой, а затем высовывает руку в открытое окно. – Проветрим.

Покачивая головой, я свободной рукой выхватываю у нее сигарету.

– Хватит, покурили. – Я подношу сигарету к своему приоткрытому окну и держу ее так, пока тлеющий конец не отваливается, а потом выбрасываю окурок.

Уже поздно, дорога, по которой мы едем, извилистая, идет вдоль озера, других машин на ней вообще не видно. Но это и хорошо, потому что у нас в машине все малолетки, да еще и пьяные в хлам.

– Ты такой зануда, когда трезвый. – Лекси выпячивает губу и скрещивает руки на груди. – Был бы как все, куда веселее было бы.

Я подавляю улыбку. Мы встречаемся уже года два, она единственная девчонка, с которой я был вместе и рядом с которой только и могу себя представить. Понимаю, это звучит совершенно по-идиотски и сопливо, нам же всего по восемнадцать, но я всерьез собираюсь когда-нибудь на ней жениться.

Не переставая дуться, Лекси скользит ладонью по моему бедру, подбирается к члену, а затем хорошенько потирает его.

– Ну как, нравится? А то я еще могу, если покурить дашь.

Я стараюсь не смеяться над ней, потому что она пьяная, и это ее, скорее всего, взбесит, но она так смешно злится, что я трезвый.

– А ты скандальная и обидчивая, когда пьяная. – Я ежусь, потому что она нашла ту самую точку, и еле сдерживаюсь, чтобы не зажмуриться. – И все равно я не дам тебе курить в машине.

Лекси закатывает глаза, убирает руку и оглядывается на заднее сиденье. Там моя кузина Райдер лижется с парнем, с которым познакомилась на вечеринке, и теперь они лапают друг друга вовсю. Я не очень люблю с ней куда-то ходить, но иногда Райдер приезжает в Сиэтл и останавливается у моей бабушки. В один из таких приездов они с Лекси стали лучшими подругами – им тогда было лет по двенадцать – и с тех пор неразлучны. Собственно, из-за этого я с Лекси и познакомился.

– Фу, гадость! – Лекси отворачивается и морщит нос.

Я сбрасываю скорость перед крутым поворотом.

– Да ладно, не притворяйся. Сама небось хотела бы, чтобы мы с тобой сейчас там сидели. – Я подмигиваю, а Лекси закатывает глаза. – Хотела бы, сама знаешь.

– Да ладно, – вздыхает она и роняет руки на колени. – Если бы мы там сидели и я пихала язык тебе в глотку, ты бы уже весь извелся: «Лекси, ну пожалуйста, впереди же люди, увидят». – Она делает пальцами знак кавычек.

– Тебя послушать, так я просто старикан какой-то. – Я игриво улыбаюсь ей, переключаю передачу, мотор ревет. Дорога тут петляет еще сильнее, и мне приходится сбросить скорость, хотя все и возмущаются.

– Да ты такой и есть.

– Брехня. Я как раз чертовски отвязный.

– Ну нет, Куинтон Картер, ты классный – это да. Seriously, ты, наверное, самый классный парень, какого я знаю, но вот насчет отвязности... Не сказала бы. – Лицо у Лекси делается лукавое, и она начинает барабанить пальцем по губе. – Может, проверим? – Не отрывая от меня глаз, она открывает окно до конца. Ветер свистит и швыряет ее волосы мне в лицо.



– Какого черта? – подает голос Райдер с заднего сиденья. Отлепив губы от своего парня, она вытягивает изо рта пряди волос. – Лекси, закрой это чертово окно. Охота мне собственные волосы жевать.

– А теперь, мистер Отвязный, – говорит Лекси, не сводя с меня глаз, выгибает спину и сует голову к самому окну. – Давай-ка посмотрим, какой ты отвязный на самом деле.

Мне это не нравится. Она совсем пьяная, да она и трезвая-то всегда была отчаянная, непредсказуемая и немного безрассудная.

– Лекси, что ты делаешь? Сядь нормально. Не хватало еще, чтобы ты покалечилась.

На губах у Лекси всплывает ленивая улыбка, и она высовывает голову дальше в окно. Бледный свет луны падает ей на грудь, и от этого кажется, что у нее кожа светится в темноте.

– Я просто хочу проверить, какой ты отвязный, Куинтон. – Она вытягивает руки над головой, перегибается через окно. – Хочу проверить, как ты меня любишь.

– Куинтон, уйми ее! – кричит Райдер, придвигаясь к нам. – Она же покалечится.

– Лекси, прекрати! – предостерегающе говорю я, одной рукой сжимаю руль, а другую протягиваю к ней. – Я люблю тебя и поэтому прошу, чтобы ты села. Сейчас же.

Лекси мотает головой, высовывается из машины и садится на окно. Я не вижу ее лица, не вижу, держится ли она там хоть за что-нибудь. Не понимаю, что на нее нашло и о чем она думает, да наверняка она и сама понятия не имеет, это-то и пугает до жути.

– Если ты такой отвязный, так не стесняй мою свободу, – кричит Лекси оттуда. Ее платье полощется на ветру, ступни зажаты между сиденьем и дверью.

Райдер задирает ногу, чтобы перелезть вперед через спинку, но ударяется головой о потолок и плюхается обратно на сиденье. Я качаю головой, осторожно жму на тормоз и наклоняюсь вбок, чтобы схватить Лекси. Пальцы цепляются за край ее платья, и тут я слышу крик. Через несколько секунд машина уже крутится волчком, не разобрать, где верх, где низ. Ото всюду летят осколки стекла, кожа у меня вся в порезах, я стараюсь не выпустить платье Лекси. Но чувствую, как ткань выскальзывает из пальцев, и меня отбрасывает в сторону. Все кричат, плачут, металл скрежещет и мнется. Я вижу яркие огни, чувствую теплую кровь, когда что-то вонзается мне в грудь.

– Куинтон... – слышу я чей-то шепот, но не знаю чей. Я пытаюсь открыть глаза, но, кажется, они и так уже открыты, а я не вижу ничего, кроме темноты. Но, может быть, это и лучше, чем видеть то, что есть.

## Глава 1

*Через 15 месяцев...*

*20 мая, первый день летних каникул*

### Нова

Веб-камера установлена идеально, смотрит мне прямо в лицо. Зеленый огонек на экране бешено мигает, словно не может дожидаться, когда же я начну запись. Но я не знаю, что сказать и какой в этом вообще смысл, если не считать того, что это задание преподавателя по операторской съемке.

Вообще-то, задание было всему курсу, а скорее всего, всем его студентам: он сказал, что если мы действительно хотим снимать кино, то нужно практиковаться летом, даже тем, кто не записан на летние занятия. «Для настоящего оператора счастье – смотреть на мир альтернативным взглядом и записывать то, что сумел увидеть в непривычном свете». Эти слова он дословно процитировал из учебника – почти все преподаватели так делают, – но почему-то они запали мне в душу. Может быть, из-за того видео, которое Лэндон записал в последние секунды своей жизни, хотя я его так и не посмотрела. Не хотела, да и не могла. Я слишком боюсь того, что увижу – или не увижу.

Сначала я записалась на курс операторской съемки только потому, что слишком долго протянула с выбором дисциплин, и в моем наугад составленном списке не хватало еще одного факультатива. Я пока не выбрала специализацию, ярко выраженного интереса к какой-то области у меня нет, а свободные места оставались только на «Введении в видеодизайн» и на «Введении в театральное искусство». Когда снимаешь видео, можно, по крайней мере, спрятаться за объективом, а не стоять у всех на виду в то время, как тебя раздевают или оценивают. Снимая видео, я сама буду оценщицей. Однако неожиданно процесс мне понравился: оказалось, в том, чтобы смотреть на мир через линзу объектива, есть что-то неотразимо притягательное, как будто ты можешь взглянуть на него с точки зрения любого человека и увидеть в неожиданном свете. Вот я и решила сделать летом несколько видео – для развлечения, чтобы время убить, а если повезет, то еще и хоть что-то понять в жизни.

Я включаю «Jesus Christ» группы «Brand New» – пусть играет фоном. Скидываю с компьютерного кресла на пол стопку книг по психологии – расчищаю себе место. Эти книги я собирала целый год: пыталась разобраться в человеческой душе – в душе Лэндона. Но книги – всего лишь слова на страницах, а мне хотелось прочесть мысли, которые были у него в голове.

Я сажусь во вращающееся кресло и откашливаюсь. Я не накрашена, и солнце уже опускается за вершины гор, но я не хочу включать свет в спальне. Поэтому экран темный, и я кажусь какой-то тенью на заднем плане. Вот и отлично. Как раз это мне и нужно. Нажимаю на курсор, и зеленый огонек сменяется красным. Открываю рот, чтобы заговорить, но тут же цепенею. Никогда не любила сниматься ни на камеру, ни на фото. Я люблю быть за сценой, а теперь вот по доброй воле встаю в свет прожекторов, сама не знаю для чего. Могу только надеяться, что в конце концов пойму.

– Говорят, время лечит все раны, и, возможно, это правда. – Я не свожу глаз с экрана компьютера и вижу, как шевелятся мои губы. – Но что, если раны затянутся неправильно, как после удара ножом, когда от них остаются безобразные шрамы, или как сломанные кости – срастутся, но неровно. – Я бросаю взгляд на свою руку и, нахмутив брови, провожу пальцем по шраму, там, где кожа уже не гладкая. – Значит ли это, что они по-настоящему зажили? Или

просто организм старается хоть как-то восстановить разрушенное... – Я умолкаю, считаю в обратном порядке с десяти до одного, собираюсь с мыслями. – Но что именно разрушено... во мне... в нем... Я не знаю, но, наверное, должна узнать... как-нибудь... но как, блин, как ты узнаешь, когда единственный человек, который знает, уже умер? – Я моргаю, а потом выключаю экран, и он чернеет.

*27 мая, седьмой день летних каникул*

Каждое утро для меня начинается с одного и того же ритуала. Я просыпаюсь и считаю, через сколько секунд солнце появится над вершинами холмов. Так я готовлюсь к новому дню, к которому вовсе не хочу готовиться, и привыкаю к мысли, что сегодня к чередке дней, прожитых без Лэндона, прибавится еще один.

Но в это утро все немного иначе. Я дома, приехала из колледжа на первые летние каникулы, и солнце встает не над холмами Айдахо, а над высоченными горами Вайоминга, обступившими Мейпл-Гров, маленький городок, где я выросла. Из-за этой перемены мне трудно встать с постели – все непривычно, нарушен порядок, которого я придерживалась восемь месяцев подряд. А этот порядок помогал мне сохранить себя. До этого я была в жутком состоянии – неуравновешенная, неуправляемая. Не могла держать себя в руках. А так нельзя, иначе я опять окажусь на полу в ванной с бритвой в руке, чтобы вместе с кровью исторгнуть из себя все эти картины, что стоят перед глазами, и чувство утраты, и жгучее желание понять, почему Лэндон это сделал, что довело его до этого. Но ничего не получится, пока из вен не вытечет вся кровь до последней капли, а это мне, как оказалось, слабó. Может быть, потому-то я и чувствую себя до сих пор такой потерянной: смогла только дойти до края, но не смогла шагнуть вниз, как шагнул он.

Я уже неделю дома, и мама с отчимом следят за мной, как коршуны, словно ждут, что я опять сорвусь, хотя уже почти год прошел. Но теперь я держу себя в руках. Крепко держу.

Выбравшись из постели и приняв душ, я надеваю купальник, затем натягиваю поверх него летнее платье в цветочек, а на запястье застегиваю несколько кожаных браслетов. Затем плотно задергиваю занавески, чтобы дом Лэндона не маячил перед глазами, и сажусь за компьютерный стол записать коротенький клип.

Я нажимаю на кнопку записи, смотрю прямо на экран и делаю несколько размеренных вдохов.

– Итак, я тут думала над моей последней записью – она же первая – и пыталась понять, какой во всем этом смысл... если он вообще есть. – Я облокачиваюсь на стол и подаюсь ближе к экрану, вглядываюсь в свои голубые глаза. – Наверное, если смысл все-таки есть, то он в том, чтобы я открыла что-то новое. Может быть, в себе, а может быть, в нем... Мне кажется, я столько еще о нем не знаю... столько вопросов осталось без ответа. А может быть, я вернусь к этим записям и просмотрю их через много дней, когда все это будет уже далеко-далеко. Может быть, тогда я пойму, что на самом деле думаю о жизни, и наконец-то найду ответы на вопросы, которые не дают мне покоя каждый день, потому что сейчас я чувствую себя потерянной, как какая-нибудь дурацкая бутылка, плывущая по воде, мутная такая, из темного стекла. – Какое-то время я молчу, в раздумье барабанив пальцами по столу. – А может быть, я сумею мысленно вернуться назад и понять, почему он это сделал. – Я шумно вдыхаю и выдыхаю, пульс начинает стучать как бешеный. – А если это смотрит кто-то еще, кроме меня, то вам, наверное, хочется узнать, кто это – он, но я, кажется, не готова еще назвать его по имени. Надеюсь, что смогу потом. Когда-нибудь – в один прекрасный день, но кто знает... Может, я и тогда ничего не пойму и буду такой же потерянной, как сейчас.

На этом я обрываю запись и выключаю компьютер, сама не зная, сколько еще буду тянуть эту бессмысленную игру, это пустое времяпровождение. Отодвигаю стул и выхожу из комнаты. До конца коридора пятнадцать шагов, потом еще десять до стола. Все шаги

размеренные, одинаковой длины. Если бы я сейчас снимала, отличное получилось бы видео, плавное, ровное, как по линейке.

– Доброе утро, красавица моя, – нараспев говорит мама, не переставая сновать по кухне – от плиты к холодильнику, затем к буфету. Она печет печенье, в кухне пахнет корицей и мускатным орехом. Мне это напоминает детство – как мы с папой сидели за столом и ждали, когда уже можно будет набить рты сладостью. Но его нет, вместо него теперь за столом сидит Дэниел, мой отчим. Он не ждет печенья. Он вообще терпеть не может сладкое, любит здоровую пищу, ест в основном что-то смахивающее на лошадиный корм.

– Доброе утро, Нова. Я так рад, что ты дома. – Дэниел сидит в костюме с галстуком, пьет грейпфрутовый сок и ест тост без масла.

Они с мамой женаты уже три года, и он неплохой человек, всегда заботится о маме и обо мне. Но очень уж он заурядный, правильный, а иногда просто нудный. Дэниел никогда не заменит мне отца, с его непредсказуемостью, безрассудством и прямоотой.

Я плюхаюсь на стул и ставлю на стол локти:

– Доброе утро.

Мама достает из буфета миску и поворачивается ко мне со встревоженным лицом:

– Нова, солнышко, я хочу спросить на всякий случай: ты нормально себя чувствуешь... здесь, дома? Если что, можно отвести тебя к психотерапевту, и таблетки свои ты ведь не бросила пить?

– Нет, мама, не бросила, – со вздохом отвечаю я, опускаю голову на руки и закрываю глаза. Я сижу на успокоительных таблетках с того самого утра, как это случилось. Не знаю, есть ли от них на самом деле толк или нет, но психотерапевт прописал, вот я и пью. – Таблетки пью каждое утро, а вот на терапию перестала ходить еще в декабре. Она мне не помогает, только зря время отнимает. – Они же там все время хотят, чтобы я рассказывала о том, что увидела в то утро, как себя вела, почему, а я не только говорить, даже думать об этом не могу.

– Да, я знаю, милая, но когда ты здесь, это многое меняет, – тихо говорит мама, вспоминая, через какой ад я заставила ее пройти, пока не уехала. Не спала, плакала, резала вены. Но теперь все в прошлом. Я уже гораздо меньше плачу, и руки зажили.

– Со мной все в порядке, мама. – Я открываю глаза, выпрямляюсь и сцепляю пальцы в замок. – Так что прошу тебя, пожалуйста, очень-очень большое пожалуйста, медом политое и сахаром посыпанное, – хватит уже спрашивать.

– Ты прямо как твой отец... любой разговор переведешь на сладости, – хмурится мама и ставит миску на стол. Во многом она очень похожа на меня: длинные каштановые волосы, тоненькая фигура, россыпь веснушек на носу, но ее голубые глаза куда ярче моих, от них чуть ли не искры летят. – Милая, я понимаю, ты все время говоришь, что с тобой все в порядке, но у тебя такой грустный вид... Знаю, в университете у тебя дела идут неплохо, но сейчас ты дома, и все, что случилось, опять совсем рядом, прямо через дорогу. – Она открывает ящик буфета, достает большую деревянную ложку и захлопывает ящик, толкнув его бедром. – Я боюсь, как бы тебя не начали преследовать воспоминания, когда ты опять так близко... от всего этого.

Я неотрывно смотрю на свое отражение в микроволновке из нержавеющей стали. Отражение не очень ясное. Лицо у меня искажается и расплывается, как в кривом зеркале. Но если чуть склонить голову набок, то вид почти нормальный.

– Со мной все в порядке, – повторяю я, видя, какое у меня делается пустое лицо, когда я это говорю. – Воспоминания – это просто воспоминания.

И правда, не все ли равно, какие у меня воспоминания, я ведь не вижу того, что, знаю, снова разорвало бы мне сердце. Несколько ступенек, ведущих туда, где оборвалась жизнь Лэндона, и минуты безмолвия потом, перед тем, как я отключилась. После этого я изо всех

сил постаралась снова сшить свое разорванное на кусочки сердце, пусть вышло и не так уж аккуратно.

– Нова, – вздыхает мама и начинает мешать в чашке ложкой. – Нельзя стараться все забыть, пока ты это не проработала. Это опасно.

– Забыть – и значит проработать. – Я беру яблоко из корзинки на столе. Мне не хочется спорить. Прошлое осталось в прошлом, где ему и место.

– Нова, милая... – с грустью произносит мама.

Она вечно пытается меня разговорить. Одного она не понимает: я не вспомню, даже если очень постараюсь, а стараться я не стану. Как будто в мозгу образовался еще один мозг и он не пропускает эти мысли, потому что стоит только их выпустить, как они превратятся в реальность. А я этого не хочу, не хочу снова стать той, какой была. Не хочу помнить *его* таким.

Я вскакиваю со стула и перебиваю ее:

– Я, наверное, сегодня у бассейна посижу, и Делайла, должно быть, скоро зайдет.

Мама робко улыбается, хочет еще что-то сказать, но не решается, не зная, как это на меня подействует. Я не могу ее винить. Это ведь она нашла меня тогда на полу в ванной, хотя на самом деле все было не так страшно, как ей показалось. Я просто хотела понять, чту он чувствовал, что творилось у него в душе, когда он решился на это.

– Как хочешь... – разочарованно хмурится мама.

Я киваю, беру из холодильника банку содовой и, обняв маму, иду к раздвижной стеклянной двери.

– Да, я так хочу.

Мама с трудом глотает комок в горле, словно вот-вот заплачет, – ей кажется, что она теряет дочь.

– Ну, если тебе что-то будет нужно, я здесь. – И она снова отворачивается к своей миске.

Она повторяет мне это с моих тринадцати лет, с тех пор, как папа умер у меня на глазах. Я никогда не откликалась на эти ее слова, хотя мы всегда были в хороших отношениях. Говорить с ней о смерти – да и вообще говорить на любую тему – это мне не поможет. Сейчас я не смогла бы с ней беседовать, даже если бы захотела. Сейчас у меня есть только молчание – оно мое лекарство, мое спасение, мое убежище. Выйди я из него – и я услышу звуки того утра, увижу кровь и почувствую невыносимую боль. А если я это увижу, мне придется наконец признать, что Лэндон мертв.

\* \* \*

Я не люблю незнакомых мест. Они вызывают у меня тревогу, мне трудно думать... трудно дышать. Один из психотерапевтов, к которым я ходила поначалу, поставил мне диагноз – обсессивно-компульсивное расстройство. Не знаю, прав ли был этот доктор – вскоре он уехал из города, и его сменил какой-то практикант, который решил, что у меня просто депрессия и тревожность, – и вот теперь я уже год и три месяца глотаю успокоительные таблетки.

Непривычный вид заднего двора разносит в клочья мое хрупкое психическое равновесие, и до бассейна я добираюсь целую вечность. К тому времени как я подхожу к шезлонгу, я уже знаю, сколько шагов мне понадобилось, чтобы дойти до него, сколько секунд – на то, чтобы сесть, а потом – сколько еще секунд прошло, пока не появилась Делайла и не села рядом. Знаю, сколько камней на дорожке, ведущей к крыльцу, – двадцать два, сколько ветвей дерева прикрывает нас от солнца – семьдесят восемь. Только одного не знаю: сколько секунд, часов, лет, десятилетий пройдет, пока я выйду из этого навязанного самой себе оцепенения. Ну почему я ничего не заметила? Наверное, когда я решусь по-настоящему взглянуть в лицо

своим самым мрачным мыслям, только тогда смогу наконец по-настоящему пережить горе. Вот почему я все время считаю, вот почему стараюсь сосредоточиться на цифрах, а не на чувствах, которые живут в душе, плавают у самой поверхности, но все же скрыты под водой.

Мы лежим в шезлонгах на заднем дворе, бассейн у нас за спиной, солнце так и печет, мы загораем в купальниках. Делайла – моя лучшая подруга уже около года. Странно, что мы подружились так внезапно. В старших классах мы учились с ней в одной школе, но никогда даже толком не разговаривали. У каждой был свой круг общения, а у меня к тому же был Лэндон. Но когда это случилось... когда он умер... я осталась одна и последние недели в школе стали для меня пыткой. А потом я встретила Делайлу. Она говорила со мной по-человечески и не смотрела так, будто я сейчас рассыплюсь на части. Мы нашли общий язык, и, честно говоря, я уже не представляю, что бы сейчас без нее делала. Делайла всегда рядом, она учит меня получать удовольствие от жизни и напоминает, что жизнь на земле еще не кончилась, хоть она и коротка.

– Господи, тут что, всегда так жарко? – Делайла обмахивает лицо руками и зевает. – Раньше вроде бы прохладнее было.

– И мне так кажется. – Глаза у меня закрыты, да еще и солнечные очки на них. Я вслепую шарю рукой по столу, стоящему между нами, пока не наткнулась на стакан чая со льдом. Беру его, ставлю себе на локоть, делаю глоток и открываю глаза. Они долго были закрыты, и в них сразу начинают плясать пятна. – Можно пойти в дом, – предлагаю я и ставлю стакан. Кручу его на столе, пока он не встанет точно на то место, где от него остался круглый влажный след, а потом вытираю губы тыльной стороной ладони и снова откидываю голову на спинку шезлонга. – У нас кондиционер есть.

Делайла с язвительным смешком достает из сумки блестящую розовую фляжку.

– Ну да. Шутишь, что ли? – Какое-то время она молча разглядывает свои ярко-красные ногти, затем откручивает на фляжке крышку. – Не обижайся. Не хочу быть грубой, но твоих маму с отцом не так-то легко выносить. – Подруга делает глоток из фляжки и протягивает ее мне.

– С отчимом, – рассеянно поправляю я. Обхватываю губами горлышко и делаю маленький глоток, затем отдаю фляжку обратно Делайле и закрываю глаза. – Им просто одиноко. Я у них единственный ребенок, и меня почти год не было дома.

Делайла снова смеется, но уже повеселее.

– Серьезно, они у тебя самые деспотичные родители, каких я только знаю. Каждый день звонят тебе, пока ты в школе, эсэмэски шлют по сто раз на дню. – Она убирает фляжку обратно в сумку.

– Они просто беспокоятся за меня.

Раньше такого не было. Пока отец был жив, мама казалась совсем беспечной, это после его смерти, произошедшей у меня на глазах, она стала переживать за свою дочь. А потом и Лэндон умер, и теперь ее беспокойствам просто конца нет.

– Я тоже за тебя беспокоюсь, – бормочет Делайла и ждет, что я скажу, но я ничего не говорю – не могу.

Делайла знает о том, что случилось с Лэндоном, но мы никогда не говорим об этом по-настоящему – в подробностях. И это одно из тех качеств, которые мне в ней нравятся, – она не задает вопросов.

«Один... два... три... четыре... пять... дыши... шесть... семь... восемь... дыши...» Я сжимаю кулаки и изо всех сил стараюсь успокоиться, но в душе нарастает темнота – та темнота, что вот-вот поглотит меня, только дай, затянет на самое дно, в воспоминания о том, чего я не помню.

– У меня блестящая идея, – прерывает мои мысли Делайла. – Можно зайти посмотреть, как там Дилан с Тристаном на новом месте устроились.

Глаза у меня открываются, я поворачиваю голову, сложив руки на животе. Чувствую, как бьется под пальцами мой пульс – неровный, считать удары трудно, но я все равно считаю.

– Ты хочешь пойти к своему бывшему парню? Серьезно?

Делайла перекидывает ноги через край шезлонга, садится и сдвигает темные очки на макушку.

– А что? Мне очень даже любопытно, как он там сейчас поживает. – Она трет пальцами уголки глаз, выковыривая из них комочки подводки.

– Ну да, но все-таки странно как-то – заявиться ни с того ни с сего, когда ты с ним сто лет не разговаривала, тем более когда вы так нехорошо расстались. Ты же его, наверное, ударила бы, если бы Тристан не вмешался.

– Ну да, наверное, но это все в прошлом. – Делайла грызет ноготь и бросает на меня виноватый взгляд, вытирая с голого живота масляное пятно спрея для загара. – К тому же у тебя не совсем точные сведения. Мы с ним вчера уже вроде как поговорили.

Я хмурюсь, привстаю и поправляю резинку на своих длинных выющихся каштановых волосах, затягивая хвост.

– Ты серьезно? – спрашиваю я и, не дождавшись ответа, добавляю: – Девять месяцев назад, когда он тебе изменил, ты клялась на чем свет стоит, что в жизни больше не будешь разговаривать с этим, – я изображаю пальцами кавычки, – «вонючим, лживым, подлым уродом». И если я ничего не путаю, ты поэтому и поехала со мной в колледж. Тебе нужно было убраться от него подальше.

– Я что, правда так говорила? – Делайла в притворном удивлении барабанит пальцами по подбородку. – Ну так со мной это обычное дело – взяла и передумала. – Она берет со стола спрей для загара. – И кстати, мне действительно нужно было убраться подальше, но не только от него, но и от мамы, и вообще из этого города. Но теперь мы вернулись, и, по моему, раз уж я опять здесь, лучше провести это время с удовольствием. Колледж из меня все силы вытянул.

Делайла – самый непостоянный человек из всех, кого я знаю. В первый год в колледже она трижды меняла основную специальность, красила волосы в рыжий, в черный, потом опять в рыжий и перебрала с полдюжины парней. Втайне мне это страшно нравится, хотя я и делаю вид, что недовольна. Это-то, пожалуй, и привлекло меня к ней: ее беззаботность, беспечность, то, как она умеет забывать в два счета. Порой мне хочется быть такой же, и, когда я подолгу общаюсь с Делайлой, мне даже удается иногда настроиться на ту же волну.

– И о чем же вы говорили? – интересуюсь я, снимая с ноги прилипшую травинку. – Только, пожалуйста, не сообщай, что вы решили начать все снова, – не хочу опять тебя видеть в таком состоянии.

Сияя улыбкой, Делайла убирает пряди рыжих волос за уши, увешанные множеством сережек.

– Да что ты имеешь против Дилана? Вечно он тебя раздражает.

– Потому что он ненадежный. И он тебе изменил.

– Он не ненадежный. Он загадочный. А изменил, когда пьяный был.

– Делайла, ты заслуживаешь лучшего.

– Нова, я ничем не лучше его, – шурится на меня подруга. – Я совершала жуткие поступки, причиняла людям боль. Я ошибалась. Мы все ошибаемся.

Я впираюсь ногтями в ладони при мысли о тех ошибках, которые наделала сама, и об их последствиях.

– Нет, ты лучше. Он постоянно изменял тебе и торговал наркотиками.

– Да нет, он уже не торгует! – Делайла хлопает себя ладонью по коленке. – Год как бросил.

Я вздыхаю, сдвигаю очки на макушку и потираю виски.

– И что же он делал целый год? – Я опускаю руки и моргаю, глядя на солнце.

Делайла пожимает плечами, затем ее губы расплываются в улыбке, она хватается за руку и поднимает с шезлонга, одновременно вставая сама.

– А вот давай переоденемся, зайдем к нему и узнаем, – предлагает она, а когда я открываю рот, чтобы возразить, добавляет: – Хоть будет чем сегодня заняться.

Богом клянусь, эта девушка читает мои мысли. Я киваю, понимая, что мне не хочется идти не столько из-за Дилана – я его, в общем-то, не так уж хорошо знаю, – сколько из-за того, что я ненавижу новые места. Непривычные ситуации меня нервируют, и временами моя привычка считать в уме выходит из-под контроля. Но и спорить не хочется, иначе я сейчас разойдусь и начнется то же самое. Что так, что этак – в голове будут сплошные цифры. По крайней мере, если я пойду с Делайлой, то хоть присмотрю за ней, и, может быть, у нее все сложится хорошо. А это все, чего я могу желать. Чтобы всем было хорошо. Но, как уже научил меня самый горький опыт, насильно никого счастливым не сделаешь, как бы ни хотелось.



## Глава 2

### Куинтон

День за днем я спрашиваю себя: почему я? Почему я выжил? И день за днем получаю все тот же ответ: не знаю. В глубине души я понимаю, что ответа на самом деле нет, но все спрашиваю и спрашиваю в надежде, что, может быть, однажды кто-нибудь придет на помощь и даст четкий ответ. Но в голове у меня вечно туман, и ответы приходят жесткие, рвущие душу. Вот один из них: какая разница, почему я выжил, все равно вина на мне, и на самом деле это мне надо бы лежать под землей, в ящике, под камнем с табличкой.

– Спасибо, друг, что пустил пожить, – повторяю я в сотый раз.

Похоже, моего кузена Тристана уже слегка раздражает, что я без конца это твержу, но перестать не могу. Наверняка ему нелегко было решиться помочь тому, кого ненавидит вся семья. Тому, кто разрушил чужие жизни и сделал родственников врагами. Но, хочешь не хочешь, нужно было уезжать – это стало ясно, когда отец наконец заговорил со мной – через год с лишним почти полного молчания.

– По-моему, тебе пора съезжать, – сказал он, глядя на меня, лениво развалившегося на кровати. Фоном играла музыка. Я что-то рисовал, получалась вроде как сова на дереве, но в глазах все расплывалось, так что точно сказать было трудно. – Тебе уже девятнадцать, в такие годы с родителями не живут.

Я был под кайфом, голова уже не варила, и я думал только о том, как медленно у него губы шевелятся.

– Ладно.

Отец разглядывал меня, стоя в дверях, и зрелище это ему было не по душе. Я был уже не его сын, а конченный наркоман, который целыми днями валяется на кровати, бессмысленно прожигает жизнь, разрушает все, чего когда-то добивался с таким трудом. Все то время, что я провел в школе, зарабатывая хорошие оценки, получая призы на выставках, вкалывая как вол, чтобы получить стипендию, я променял на короткие минуты кайфа. Отец даже не пытался понять, почему так, понять, что без этого было бы еще хуже, да мне и ни к чему его понимание. У нас и до аварии были не лучшие отношения. Моя мать умерла в родах, и хотя отец никогда этого не говорил, я иногда спрашивал себя, сидя в бесконечном молчании за ужином или перед телевизором, не винит ли он меня за то, что я убил ее, родившись на свет.

Наконец отец вышел – разговор был окончен. На следующее утро, когда в голове немного прояснилось, я сообразил, что нужно же еще сначала найти, куда переехать. Работы у меня на тот момент не было – с последней я вылетел, когда попал под выборочный тест на наркотики, и вообще, у меня уже целая история увольнений. Не зная, что еще придумать, я позвонил Тристану. Когда-то мы с ним дружили... до того, как это случилось. Стыдно было ему звонить, но я помнил, что он относился ко мне по-человечески, даже после похорон со мной разговаривал, а вот его родители больше ни слова мне не сказали. Он, кажется, без особой охоты, но согласился, и через пару дней я, собрав свое шмотье, купил билет и отправился туда, где меня ждал мой новый временный дом.

– Чувак, я тебе уже тысячу раз говорил: все нормально, хватит меня благодарить. – Тристан достает последнюю коробку из багажника своей машины.

– Да, а родители твои как?

– А что родители?

– Не разозлятся, когда узнают, что я у тебя живу?

Тристан захлопывает багажник.

– А как они узнают? Они со мной не разговаривают. Можно сказать, вычеркнули меня из своей жизни. – Я начинаю что-то возражать, но он меня перебивает: – Слушай, да все в порядке. Они сюда не ходят. Я с ними практически не общаюсь. Так что расслабься и будь как дома. – Он идет к воротам, я за ним. – Вот одно только тебе скажу: зря ты не на машине приехал. Теперь если захочешь куда-то поехать – фиг.

– Ну и к лучшему.

Я поправляю на плече ремень от сумки, и мы идем к узкому трейлеру. Обшивка на нем отваливается, одно окно забито фанерой, никакого газона рядом нет – слой гравия, потом забор, а за ним опять гравий. Притон притоном, но ничего. В притоне мне как раз самое место. Все делают вид, будто их вообще не существует, и со мной та же история.

– Ты же знаешь, что автобусы здесь не ходят? – спрашивает Тристан, ставит ногу на лестницу, она под ним шатается. – Городок маленький, как дырка в заднице.

– Ничего. – Я поднимаюсь за ним, засунув палец под ремень сумки. – Пешком похожу.

Он смеется, перекладывает коробку в одну руку, чтобы открыть первую дверь, с сеткой.

– Ну, гляди.

Тристан идет в дом, я придерживаю первую дверь ногой, потом другую за ручку, чтобы она не захлопнулась, пока я протиснусь.

Первое, что я замечаю, – это запах. Пахнет дымом, но еще с какой-то примесью, обжигающей горло. Это ощущение мне знакомо, и я вдруг чувствую, что я дома. Обвожу глазами комнату и вижу горящий косячок в пепельнице на потрескавшемся кофейном столике.

Тристан бросает коробку на пол, перешагивает через нее и подходит к пепельнице.

– Ты как насчет этого? – спрашивает он, берет косяк и мнет в пальцах. – Я что-то забыл, как ты к этому относишься.

Тут, собственно, не вопрос. Скорее предупреждение: если я хочу здесь жить, лучше мне по этому поводу не возникать. Я сбрасываю ремень сумки с плеча, и она падает на пол.

– Когда-то был против. – Когда-то мне было не все равно. Я считал, что нужно поступать правильно и тогда будешь хорошим человеком. – А теперь ничего.

Тристан сдвигает брови, услышав такой неопределенный ответ, и тогда, чтобы до него дошло, что я имею в виду, я беру косяк. Как только он оказывается у меня в руке и вонючий, но приятно кружащий голову дымок поднимается к лицу, мне сразу же снова становится легче, беспокойство в груди унимается. Еще спокойней делается, когда я подношу косяк к губам и делаю глубокую затяжку. Задерживаю дым в груди, снова протягиваю косяк Тристану, дым щиплет горло, наполняет легкие и обжигает сердце. Этого я и хочу, этого мне и нужно, потому что ничего другого я не заслуживаю. Я разжимаю губы, выпускаю дым и так уже прокуренный воздух, и мне становится так легко, как не было с тех пор, как я сел в этот чертов самолет.

– Ну, блин, зашибись – какие люди!

Дилан, приятель Тристана, который живет в этом же трейлере, выходит из-за занавески в дальнем конце комнаты, смеется, а за ним высовывается какая-то блондинка. Дилана я раньше видел пару раз, когда мои родители приезжали в Мейпл-Гров к родителям Тристана. Дилан изменился: лицо погрубело, голова бритая, руки все в татуировках, и еще он раньше был заметно плотнее, должно быть, от наркотиков так похудел.

– Привет, Куинтон! – Блондинка машет рукой, затем обходит Дилана и направляется ко мне. Руки она держит плотно прижатыми к бокам, чтобы грудь выделялась, и ее буфера только что не выскакивают из выреза майки. Она-то меня, похоже, знает, а вот я убей не помню, кто она такая. – Давно не виделись.

Я роюсь в мозгах, стараясь припомнить что-нибудь с ней связанное, но от травки в башке туман, я уже добился, чего хотел, и теперь сижу весь деревянный и отупевший.

Девушка подходит, кладет мне руку на грудь и прижимается своими буферами.

– Когда я тебя видела в последний раз, ты был тощим двенадцатилетним мальчишкой в очках и брекетах. Подумать только, как ты изменился. – Она проводит ладонью по моей груди вниз, к животу. – Теперь ты просто сногшибательный красавчик.

– А, так ты Ники? – Теперь я кое-что припоминаю. Что-то такое из детства, тогда еще все соседи собирались в бейсбол играть. Но это смутное воспоминание, да и его лучше бы не было. Тяжело вспоминать о том, что уже никогда не вернется. – Ты... – я меряю взглядом ее фигуру, хотя и так уже, в общем-то, все видел, – ...изменилась.

Ники принимает это за комплимент, хотя я ничего такого не имел в виду.

– Спасибо, – улыбается она и двигает бедрами. – Я всегда стараюсь выглядеть как можно лучше.

Косяк все еще у меня в руке, и я делаю еще затяжку, держу дым в легких, пока не начинает казаться, что они вот-вот лопнут, а затем выпускаю дым изо рта и стряхиваю пепел на коричневый, весь в подпалинах ковер. Протягиваю косяк Тристану и жду, пока все тело онемееет.

– Куда мне свои шмотки тащить? – спрашиваю я.

Дилан показывает пальцем в коридор:

– Там в конце еще одна комната. Тесновато, правда, но кровать и прочее есть.

Я поднимаю с пола свою сумку и, обогнув Ники, иду в коридор:

– Мне главное – другим не мешать.

Дилан кивает, обращаясь к Ники:

– Не покажешь Куинтону его комнату?

– Конечно. – Она преувеличенно радостно улыбается мне и выхватывает у Тристана косяк. Сует в рот, затягивается, выдыхает. Отдает ему обратно и идет вперед по коридору так, чтобы я хорошенько разглядел ее задницу.

– Ты с ней встречаешься? – спрашиваю я Дилана, который отходит в маленькую, заваленную всяким барахлом кухню в углу.

– Не-а, я ни с кем не встречаюсь, – отвечает он, безразлично пожимая плечами, и засовывает руки в карманы джинсов. – Кстати, ко мне сегодня бывшая подружка зайдет.

– Делайла? – спрашивает с дивана Тристан, и Дилан кивает. – А Нова тоже приехала? Она с ней будет?

– Нова? – переспрашиваю я. – Это что, ее машина?

Тристан качает головой и смеется:

– Девчонка это, дубина.

– Интересное имя, – говорю я.

Мне любопытно, что за девчонка такая, которую назвали в честь моей любимой машины, но, в общем-то, какая разница? Никакой. С девушками покончено, и с чувствами тоже.

– Когда ты наконец выбросишь ее из головы? – Дилан берет стоящий рядом с раковиной пластиковый стаканчик, и Тристан пригибается – стаканчик пролетает у него над головой. – Ты же с ней как-то обжимался уже, она тогда еще напилась в сиську.

– Ну и что, – отвечает Тристан и тянется через подлокотник кресла, чтобы достать стаканчик. Выпрямляется и швыряет его в Дилана, но не попадает – стакан шмякается об пол в нескольких дюймах от цели. – Сам-то Делайлу к себе зовешь, через восемь месяцев.

Дилан поддает стаканчик ногой и рывком открывает холодильник.

– У Новы столько проблем, тебе это не надо.

– Много ты знаешь, что мне надо, – бормочет Тристан, не поднимая глаз от коричнево-оранжевого ковра.

Пора уходить, я ему мешаю. Иду за Ники, на душе дерьмово: прошлое никак не отпускает. Но я смотрю на ступеньки, ведущие в комнату, и понимаю, что сейчас будет – ясно же, чего хочет Ники, да и мне, правду сказать, нужно как-то отвлечься. День был тяжелый, особенно если вспомнить, как папаша высадил меня в аэропорту. Я понимал, что ему это все ни к чему, но он считает себя обязанным – вроде как долг перед матерью, что ли.

– Ну, пока, – вот и все, что он мне сказал, и сразу же ушел, оставив меня у входа в аэропорт.

Мне бы по идее должно быть пофиг, что он меня не обнял на прощание и все такое, но меня уже год никто не обнимал, и иногда мне этого не хватает – близости, ощущения, что ты кому-то нужен.

– А кровать-то какая мягкая. – Ники плюхается на тощий матрас и покачивается, скрестив ноги.

Я бросаю сумку на пол в комнатке размером с кладовку, стою перед ней и смотрю на грязный матрас:

– Мягкая, значит?

Ники обольстительно улыбается:

– Еще какая. – Приподнимается, хватая меня за рубашку и притягивает мое лицо к своим губам.

Губы у нее сухие и пахнут травкой, но я закрываю глаза, отвечаю на ее поцелуй, стараясь ни о чем не думать, склоняюсь над ней, и мы валимся на постель. Я знаю, что так нельзя. Нам обоим плевать друг на друга. Никакого смысла в этом нет. Это глупо, как все на свете, и так же ничего не значит. Но другого я не заслуживаю, и в ту минуту, когда я все-таки найду смысл, найду хоть какое-то удовольствие и радость с другой женщиной, в ту самую минуту я нарушу слово, данное Лекси.

## Глава 3

### Нова

В тишине есть какая-то странная безмятежность. Может быть, так кажется потому, что она почти недостижима. Нужно ведь не только отключиться от посторонних звуков, но и внутри звуки отключить – все те мысли, что потихоньку нашептывают, кто я, что я должна чувствовать, а чего не должна, что я сделала и чего не сделала, в чем ошиблась. Иногда, просыпаясь посреди ночи, я пытаюсь погрузиться в блаженную безмятежность тишины, но несмолкающий шепот в голове не дает этого. «Ты должна была его спасти». Я думаю: может быть, Лэндону удалось достичь такой безмятежности, может быть, потому он это и сделал. Вероятно, он уже ничего не слышал и решил, что пришло время положить конец всему.

– Как я выгляжу? – Делайла подкрашивает губы перед зеркалом заднего вида, сидя в своем стареньком пикапе – она на нем ездила еще до того, как мы с ней уехали в колледж. Мажет губы помадой, ослепительно мне улыбаясь.

– Отлично выглядишь. – А вот я даже причесываться не стала – не перед кем мне красоваться. Я иду с Делайлой только потому, что она так хочет. Ни больше ни меньше.

Подруга надувает губы, а затем поправляет грудь под малиновым топилом с глубоким вырезом, чтобы казалась попышнее. Я чуть-чуть улыбаюсь, однако слабая искорка жизни тут же гаснет, когда я начинаю считать ступеньки, ведущие к двери трейлера, и сложенные перед ним покрышки. «Четыре, восемь».

Делайла придирчиво оглядывает мое короткое платье в цветочек и сережки с перьями.

– Хорошо выглядишь, – говорит она с обличительной ноткой в голосе. – Надеешься, что...

Я качаю головой и наставляю на нее палец:

– Я знаю, что ты сейчас скажешь. Так вот, лучше помолчи. С Тристаном – это было один раз и уже в прошлом.

Ко всему прочему я была очень пьяна тогда, и в голове у меня был полный разброд, потому что в то утро к нам неожиданно пришли родители Лэндона. Хотели отдать мне его рисунки, которые нашли в чемодане наверху, – мои портреты. Я кое-как удержалась от слез, взяла их и убежала, чтобы напиться и забыть о рисунках, о Лэндоне, о своей боли – обо всем, о том, что его со мной нет. Тристан, лучший друг Дилана и сосед по трейлеру, был первым, кто подвернулся мне под руку после нескольких лишних рюмок «Бакарди». Я начала с ним обниматься, даже не сказав «привет». Это был первый парень, с которым я была после Лэндона, и потом всю ночь проплакала, сидя на полу в ванной, раскачиваясь, считая трещины в кафеле, стараясь успокоиться и перестать винить себя за то, что целовала другого. Ведь Лэндона больше нет, и он не вернется, что бы я ни делала и ни говорила. И меня тоже больше нет, потому что, когда он умер, какая-то частица меня умерла вместе с ним.

– Ну, смотри, – недоверчиво поднимает брови Делайла. Я вздыхаю и начинаю выбираться из пикапа, но тут она хватается меня за руку. – погоди. Ты должна снять это для своего видео.

Я окидываю взглядом парковку, где стоит трейлер, собак, гавкающих из-за соседского забора, машину у дома неподалеку – ржавую, без колес, стоящую на шлакоблоках.

– Вот это все снимать?

Делайла шлепает меня по руке, хохочет:

– Да не это, меня! Давай я расскажу, о чем сейчас думаю, или еще что-нибудь. Ну, в смысле, тебе же такое как раз и нужно? Понять, что люди чувствуют и как смотрят на жизнь.

Я пожимаю плечами, ноги у меня уже висят наружу – я готовлюсь прыгнуть.

– Не знаю. Сначала я думала, это будет что-то вроде видеодневника – про мою жизнь... мысли... про то, как я вижу мир.

– Ну, знаешь, Нова Рид, я, между прочим, тоже немаловажная часть твоей жизни. Так что попробуй только не включить меня в свой дневник.

– Так ты что, серьезно меня сейчас назвала по фамилии, Делайла Пирс?

Подруга ухмыляется и выдергивает ключ из замка зажигания:

– Да-да, так что давай-ка доставай свою дурацкую камеру, и я поведаю миру мои глубокие взгляды на жизнь.

Я втягиваю ноги обратно в машину и достаю из кармана телефон, уже жалея, что сказала Делайле о своих летних планах.

– Ну ладно. – Я провожу пальцем по экрану и нажимаю иконку видеозаписи.

– Надо нам настоящую камеру тебе достать, – говорит Делайла, поворачивается боком на сиденье и взбивает пальцами свои рыжевато-каштановые волосы. – На этой все лицо в пятнах будет.

Я держу телефон так, чтобы Делайлу было видно на экране.

– Они же стоят до хрена, не знаешь, что ли? – Я нажимаю на запись. – Давай говори.

– погоди, а что говорить-то? – спрашивает она, все еще возясь со своими волосами. За спиной у нее яркое солнце, и на экране виден только силуэт. – Я еще план не составила.

Я сжимаю губы и стараюсь сдержать смех, хотя он уже клопочет в горле.

– Не знаю. Это же ты предложила.

– Ну и что! Ты же режиссер, – шуруется Делайла.

– Я не режиссер, – возражаю я. – Я просто девушка с камерой, которая пытается посмотреть на мир свежим взглядом.

Делайла с умным видом тычет в меня пальцем:

– Это надо в заголовок.

– У меня места для записи всего на пару минут, – с досадой вздыхаю я, – так что не тяни.

Делайла еще несколько секунд раздумывает, а затем дерзко улыбается в камеру и отбрасывает волосы за плечи.

– Ну ладно, короче. Я знаю, что вы все думаете: рыжая дура с приветом, оделась, как шлюха, и сейчас пойдет трахаться со своим бывшим парнем, который ей изменил. – Делайла тычет пальцем в камеру и прищелкивает языком. – Но не обманывай себя, приятель. Может быть, то, что ты видишь снаружи, совсем не то, что внутри, и у моих сумасшедших, спонтанных поступков есть своя причина. – Она принимает выразительную позу, посылает в камеру поцелуй, потом закатывает глаза, и плечи у нее поникают. – Ну вот, Нова. У меня все.

Я не сразу останавливаю запись. Раньше Делайла никогда такого не говорила, и у меня дух захватило оттого, что она решилась сказать это на камеру, пусть даже камера была в руках у меня. Я нажимаю на «стоп», и на экране снова появляются значки. Убираю телефон в карман, а Делайла берется за ручку двери.

– Идем? – спрашивает она.

– Идем, – киваю я.

Мы выбираемся из пикапа и направляемся к трейлеру. Как только мы ступаем на гравий, я начинаю считать шаги. «Один... два... три...»

– Так вот, я подумала, что сегодня нам не помешает расслабиться, – говорит Делайла, беря меня под руку.

Подходим к воротам. По бокам у них стоят ржавые пятигаллоновые банки с краской.

«Четыре... пять... шесть...»

– И чтобы никаких мне драм не разыгрывать, – прибавляет подруга, снимая цепочку с ворот.

«Семь... восемь... девять...»

– Например, драк не затевать? – Я закрываю ворота.

«Десять... одиннадцать... двенадцать...»

Мы подходим к двери, и Делайла высвобождает свою руку из моей.

– Подумаешь, всего один раз и было, – говорит она, расправляет плечи и выпячивает грудь. – Так этой гадине и надо.

– Ты ей руку сломала, – напоминаю я.

Делайла стучит кулаком в дверь.

– Она к Дилану целоваться полезла, – шипит подруга, мстительно улыбаясь и сжимая кулаки. – Мало ей еще. Пусть скажет спасибо, что ты меня удержала.

Я качаю головой, и у меня проскальзывает короткая улыбка. Иногда, в очень редкие минуты, мне это удается: улыбаться и не чувствовать себя виноватой. Но этот миг так же быстро проходит, я вновь хмурюсь и погружаюсь в бесчувственное оцепенение.

– Входите! – рывкает кто-то из-за двери, когда Делайла стучит снова.

Подруга делает игривое лицо, чуть-чуть подтягивает вверх джинсовую юбку, а потом открывает дверь и всплывает внутрь. Я захожу следом за ней в комнату, полную влажного дыма, к которому примешивается легкий запах травки. Там стоят замызганные клетчатые диванчики и кофейный столик в трещинах. На деревянных настенных панелях пятна от воды, а потолок, когда-то белый, уже утратил всякий цвет. Рядом кухня, вся заваленная пустыми бутылками, окурками, грязными тарелками и мусором. В дальней стене проход, как можно догадаться, в коридор, но его прикрывает грязная оранжевая занавеска. Еще какой-нибудь год назад меня бы никто никогда не увидел в подобном месте – я была не такая, да и Лэндон бы этого не допустил. А теперь я уже не знаю, кто я и почему мне здесь не место, – наверное, потому, что в незнакомых местах обостряется моя болезненная привычка, и я пересчитываю все чертовы фотографии на деревянной стене.

– Ух ты, блин! Ты еще красивее стала, чем раньше. – Дилан встает с кресла, в котором сидел развалившись, и бросает сигарету в пепельницу.

Он высокий, довольно тощий, голова у него бритая. Руки все в замысловатых татуировках, в основном черных, но есть и цветные – темно-красные и цвета индиго.

Делайла взвизгивает, подскакивает на месте и бросается Дилану на шею. Они горячо обнимаются и тут же смыкают губы в страстном поцелуе. Тристан, который играет сам с собой в дартс в дальнем конце комнаты, смотрит на меня и закатывает глаза, кивая на Делайлу с Диланом и слегка пожимая плечами. Я Тристана не так уж хорошо знаю, но он мне всегда казался отличным парнем. В нормальных обстоятельствах с ним было бы, наверное, приятно целоваться. У него красивые губы, а светлые волосы хоть и редковаты, зато такие мягкие. Руки у Тристана тонкие, сам он высокий, широкоплечий, а глаза темно-синие. Вообще-то, когда смотришь на него, кажется, что ему не место здесь, в этом доме, заваленном кальянами, мундштуками для сигарет с марихуаной и бог знает чем еще.

Минуты идут, а Дилан с Делайлой все не отлипают друг от друга и в конце концов, продолжая обниматься, уходят за занавеску, а я остаюсь в комнате с Тристаном и его дротиками.

С минуту Тристан молча смотрит на меня, затем берет с кофейного столика пластиковый стакан.

– Ну что, чем ты там занималась? – спрашивает он и, сделав глоток, ставит стакан на место, снова поворачивается к мишени, целится в нее, прищурив один глаз.

– Училась. – Я обхожу диван, сокращая расстояние между нами. Из старого стерео-проигрывателя в углу доносится музыка «Emily» группы «From First to Last». – А больше

и ничем. – Я подхожу сзади и смотрю, как он кидает дротик в мишень – почти в самый центр. – А ты?

Тристан пожимает плечами и снова протягивает руку к стакану:

– Работал, жил. Честно говоря, хвастаться особо нечем. – Он подносит стакан к губам, откидывает голову назад и делает большой глоток, а потом сминает стакан и швыряет в переполненное мусорное ведро в углу, рядом с лампой без абажура. – Хочешь выпить или еще чего-нибудь?

Я раздумываю. Шум в голове после тех нескольких глотков из фляжки уже утих, так что остается или торчать тут и считать до ночи, пока Делайла не закончит свои дела с Диланом, или, как Тристан предлагает, выпить и постараться хоть так ощутить какую-то тишину.

– А что у тебя есть? – спрашиваю я.

Он улыбается, делает мне знак идти за ним, перескакивает через спинку дивана и направляется в кухню. Я выбираю другой путь – обхожу диван – и отмечаю: на то, чтобы дойти вслед за Тристаном до холодильника, мне понадобилось двенадцать ровных, твердых шагов. Тристан открывает холодильник, сует туда голову и начинает перебирать разные сорта пива. Наконец выбирает «Корону», и я невольно улыбаюсь: восемь месяцев прошло, а он не забыл, что я люблю. Тристан захлопывает дверцу холодильника ногой, подходит к кухонному столу, приставляет горлышко бутылки к краю и срывает крышку.

– Держи, – протягивает он мне открытую бутылку, в которой пенится золотистая жидкость.

Я выдыхаю, только теперь заметив, что все это время стояла не дыша, и подношу горлышко бутылки ко рту.

– Спасибо.

Тристан кое-как протискивается между мной и кухонным столом и уходит обратно в гостиную, подворачивая на ходу рукава черной рубашки.

– На здоровье, – отвечает он. – Ты вообще какая-то немного взвинченная. Может, хоть расслабишься.

Ничто мне не поможет расслабиться. Никогда. Ничто не заглушит воспоминания о том дне, сколько ни старайся, ничто не вернет утраченного. «Почему ты это сделал, Лэндон? Почему?» Едва в памяти всплывает его печальный смех, как чувства, пережитые в тот проклятый день, сразу же пробивают брешь в стене, которой я от них отгородилась. Я моргаю и моргаю, снова и снова, слезы начинают щипать глаза. «Заткнись! Заткнись! Сейчас не время. Дождись, когда будешь дома, одна». Но они все скапливаются в уголках глаз. Вот-вот горячие капли обожгут щеки, и от них останутся пятна на коже. В панике я начинаю считать полоски на панели, которой отделана стена. Дохожу до пятнадцати, запрокидываю голову, залпом выпиваю половину «Короны» и только тогда чувствую, что снова могу дышать.

– Ты как, ничего? – спрашивает Тристан, глядя, как я жадно глотаю пиво, потом подходит к мишени.

– Да, отлично, а можно мне тоже сыграть? Мне надо отвлечься.

Губы у него изгибаются в улыбке, когда я начинаю вытаскивать красные дротики из мишени.

– Можно, конечно, только давай уж тогда добавим азарта и сыграем на интерес? – Его взгляд скользит по моим голым ногам, по подолу платья, а затем поднимается к глазам. Судя по его горящим глазам, сейчас предложит что-нибудь связанное с сексом, думаю я, но он говорит только: – Победитель должен проигравшему двадцать баксов, идет?

Я глотаю последние слезы, которые все еще норовят выкатиться из глаз, и протягиваю руку:

– Договорились.



Мыжимаем руки, и Тристан задерживает мою ладонь в своей, прежде чем отпустить.

– Дамы вперед, – говорит он и отступает к дивану, освобождая мне место.

Я становлюсь перед мишенью. Считаю в обратном порядке, потом делаю вдох и, задержав дыхание, кидаю дротик. Он попадает в яблочко. Стараюсь отогнать от себя воспоминание о том, как мы с Лэндоном в последний раз играли в дартс и как он мне поддался, хотя и не признался потом.

– Ух ты, кажется, я только что выбросил на ветер двадцать баксов. – Тристан потирает небритый подбородок, подходит к мишени и долго целится. Бросает и чертыхается – дротик летит косо. Он втыкается в самый край мишени, и Тристан поворачивается ко мне, качая головой: – М-да, похоже, не стоило мне на деньги играть. Перебрал уже чуть-чуть. – Он усаживается на подлокотник кресла, оглядывает меня с головы до ног, лампочка надо мной мигает. – Где это ты научилась так играть? Или просто новичкам везет?

Я бросаю дротик не глядя, и он снова попадает почти в яблочко.

– У меня был самый лучший учитель.

– Кто это? – Тристан склоняет голову набок, уголок его рта насмешливо изгибается. – Делл из здешнего бара, что ли? – шутит он. Делл – местный пьяница, который считает себя чемпионом во всем. – Это же он всегда хвастается, что лучше всех в мире играет в дартс.

Я с трудом глотаю комок. Яркое воспоминание вспыхивает в голове.

– Нет, парень, с которым раньше встречалась. – Я делаю еще один большой глоток и велю мозгу заткнуться. «Не надо об этом. Пожалуйста. Не сейчас».

Я слышу, как Тристан резко переводит дыхание – должно быть, вспомнил о том, что случилось. Эта весть разнеслась тогда по всему городу за считанные часы, и забыть о таком довольно трудно. Вскоре у Тристана у самого погибла сестра, но это был просто несчастный случай: оказалась не в том месте не в то время.

После долгого молчания Тристан вздыхает и встает с подлокотника:

– Хочешь чего-нибудь покрепче?

– Да, пожалуй, – отвечаю я с излишней торопливостью и сжимаю руку на горлышке почти допитой бутылки «Короны», стараясь сбросить напряжение.

Тристан уходит на кухню и роется в шкафчиках – ищет стопки. Я сажусь на диван, запрокидываю голову и высасываю остатки «Короны», уже жалея о своем решении приехать сюда. Не к Дилану, а вообще домой. В колледже все было неплохо, не то чтобы отлично, но неплохо, по крайней мере, было о чем думать, помимо моего обсессивно-компульсивного расстройства и смерти Лэндона.

Из коридора доносится смешок, и я с облегчением выдыхаю, думая, что это Делайла. Начинаю уже подниматься с дивана, но, когда занавеска отодвигается, снова сажусь: в комнату входит длинноногая блондинка, поправляет топ, натягивая его на свои внушительные формы.

Она бросает взгляд на меня и надевает на лицо искусственную улыбку:

– Привет. Ты же Нова, да?

Понятия не имею, кто это, но по виду примерно моя ровесница.

– Да.

– Как машина. – Этот голос кажется знакомым, очень, очень знакомым, как будто мироздание задумало сыграть со мной жестокую шутку. А когда парень входит в комнату, я едва не падаю замертво – сходство настолько поразительное, что у меня кружится голова. Все в нем невероятно напоминает Лэндона, и на секунду я верю, что это он и есть.

Сходство не столько в чертах, сколько в чем-то трудноуловимом. Он и ростом повыше Лэндона, и волосы у него темно-каштановые, а не черные, и обриты коротко, а не свисают на глаза. Еще он немного мускулистее, а над верхней губой едва заметный шрам. Много чего не

совпадает, но вот мелкие детали так и давят на кнопку «безумие» у меня в голове. Например, пальцы – все в угольной пыли, или то, что шнурки у него на ботинках не завязаны – Лэндон тоже все время так ходил. В голосе, глубоком и мягком, как топленое масло, слышится до боли знакомая нотка. И глаза. Эти чертовы медовые глаза, и в них столько печали, что они гасят почти всю радость вокруг. Столько печали я видела в глазах лишь у одного человека. У одного-единственного. А когда они обращаются на меня, я словно тону в его печали – в печали Лэндона.

Я все смотрю на него и чувствую, что ему уже от этого не по себе, но не могу отвести глаз. Словно я проснулась год назад, и в этот раз он не бросил меня одну на холме, в траве, и вообще одну на свете.

– Что с тобой? – Голос Тристана ударяется мне в грудь и выводит из оцепенения.

Я отрываю взгляд от незнакомого парня и, моргая, гляжу на Тристана:

– Что?...

У него в руке рюмка, до краев налитая кристально-прозрачной жидкостью.

– У тебя расстроенный вид. – Тристан переводит взгляд на того парня, потом снова на меня. – Все в порядке, Нова?

Я киваю, поспешно выхватываю стопку у него из рук и выпиваю залпом, радуясь обжигающей горечи. Ставлю пустую стопку на стол, держась рукой за пылающее горло.

– Все нормально. Я просто устала.

Тристан не верит, но больше не пристаёт. Мы все-таки не настолько близкие друзья. Он садится в обтрепанное кожаное кресло, расплзающееся на клочки. Я стараюсь смотреть на разошедшийся шов на подлокотнике, но невольно снова бросаю взгляд на парня с медовыми глазами.

Тот садится на другой конец дивана, а блондинка прицельно опускает задницу к нему на колени. Хихикает, водит пальцами по его голове, но он, кажется, не особенно реагирует. Берет с кофейного столика пачку сигарет, сует одну в рот.

– Дилан там мимо не проходил? – спрашивает Тристан, потягивая пиво.

Парень пожимает плечами, тянет руку к сигарете, щелкает зажигалкой, кончик сигареты съезживается.

– Кажется, они пошли к нему в комнату, точно не знаю. – Из губ у него вырывается струйка дыма.

– С этой сучкой Делайлой? – спрашивает блондинка, бросая на меня злобный взгляд.

Ага, значит, она знает Делайлу и явно ее ненавидит, что как раз неудивительно. Мою подругу почти все девушки терпеть не могут. Но меня-то ей за что ненавидеть, спрашивается?

– Вот холера! – Тристан хлопает себя ладонью по лбу. – Представить-то вас забыл, блин.

– Мы ее и так знаем, – хмыкает блондинка, сверля меня глазами. – Это Нова Рид.

А вот я знать не знаю, как зовут ее. Может, Тристан скажет?

– Ники, не будь стервой, – говорит он.

Ники. Вот это кто, оказывается. Мы с ней когда-то учились вместе, пока она не бросила школу. А еще она запала на Лэндона как раз перед тем, как мы начали встречаться, в самом конце каникул перед выпускным классом. Ники очень изменилась: размер груди заметно увеличился, хотя, подозреваю, искусственным образом, и волосы у нее раньше были русые, а теперь она их выбелила.

Ники фыркает, выпячивает грудь, скрестив под ней руки, и прижимается к парню.

– А ты не будь козлом! – огрызается она, смотрит на того парня и хлопает ресницами.

Парень поворачивается так, что Ники съезжает с его колен на диван.

– Извини, но Тристан – мой кузен, и это его дом. Если он просит не быть стервой и не хамить Нове, – он бросает взгляд на меня, чуть изогнув в улыбке губы и нахмулив брови, – значит не будь стервой.

Мне не нравится, как замирает у меня сердце от того, как он произносит мое имя, и от того, что он его запомнил, услышав минуту назад. А еще хуже, что я не могу отвести от него взгляд. И посчитать, как назло, нечего, чтобы усмирить шторм, готовый разбушеваться в груди.

Ники явно в бешенстве, однако все же закрывает рот, а парень затягивается сигаретой и берет со столика пульт от стерео. Тристан встает с кресла и выходит в коридор. Наступает молчание, и парень, которого я до сих пор не знаю по имени, щелкает кнопками на пульте, перебирая песни. Ники неотрывно и злобно таращится на меня, но я этого почти не замечаю. Я не свожу глаз с этого призрака из памяти, сидящего рядом на диване. Я понимаю, что это не Лэндон, но глаза и манера двигаться похожи до жути. Наконец, чувствуя, что больше не в силах на это смотреть, я встаю и иду к двери. Выхожу в ночную прохладу, хватаюсь за перила лестницы и стою, сгорбившись, стараясь загнать обратно воспоминания, рвущиеся наружу.

– *А если бы ты мог писать картины только на один сюжет, снова и снова, всю жизнь, что бы это было?* – спрашиваю я, держась за лестничные перила и глядя на Лэндона, который сидит на нижней ступеньке и рисует старый дуб на холме заднего двора. – *Вот это дерево?*

– *Ничего бы я не стал писать, – отвечает он, а его рука безупречно точными движениями покрывает белую бумагу всеми оттенками серого и черного. Помолчав, он оглядывается через плечо на меня, и на губах у него появляется тень улыбки. – Ты же знаешь, как я ненавижу живопись.*

*Я морищу нос и усаживаюсь на ступеньку рядом с ним:*

– *Ну ладно, а что бы ты стал рисовать?*

– *Если можно только что-то одно? – переспрашивает он, и я киваю. Он постукивает по подбородку концом карандаша, оставляя черные разводы. – Тебя, наверное.*

*Я показываю ему язык, но сердце у меня поет. Я час-то думаю: а что было бы, если бы я ему нравилась по-настоящему, если бы он меня целовал, если бы был моим парнем, а не просто другом?*

– *Вот уж неправда. Если бы ты действительно выбрал кого-то из людей, в чем я сомневаюсь, то кого-нибудь вроде Карисы Харрис.*

*Лэндон задумывается:*

– *Должен признать, задница у нее что надо.*

*Я шлепаю его по руке в притворном возмущении, хотя уже давно привыкла. Мы дружим четыре года, ему семнадцать лет. Они в этом возрасте все озабоченные.*

– *Гадость какая, – говорю я.*

*Лэндон показывает язык, стараясь удержаться от смеха, я шлепаю его по руке еще раз, и тогда он не удерживается. Лэндон редко так смеется, и хотя он меня злит, я сдаюсь и начинаю смеяться вместе с ним, потому что злиться на него невозможно. Наконец он умолкает и проводит языком по губам, слизывая почти все следы угля.*

*Я качаю головой, протягиваю руку и стираю большим пальцем пятнышко возле его губ, стараясь не замечать, как неотрывно он смотрит на меня.*

– *Вечно ты весь в угле, даже когда не рисуешь, – замечаю я и хочу убрать руку, но он останавливает меня, коснувшись ее пальцами. Я замираю, Лэндон берет мою руку в свою, и сердце у меня начинает колотиться.*

– *Я все думал... – Лэндон снова подносит мою руку к губам, – ...не попробовать ли нам кое-что, – шепчет он мне в ладонь.*

– *Да-да... – Голос у меня хриплый, и я невольно все смотрю и смотрю на его губы.*

*Лэндон кивает, не сводя с меня глаз.*

*– Я уже давно об этом думал... – Он делает глубокий вдох и выдыхает, кажется волнуясь. – О том, чтобы тебя поцеловать.*

*У меня учащается пульс, он умолкает, будто ждет, что я скажу, но у меня от волнения сжало горло, и слова изо рта не идут. Я еще никогда не целовалась с парнем, а Лэндон ведь не просто парень. Он мой лучший друг. Я и сама много раз об этом думала, но думала и о другом: что, если я его потеряю? Лэндон – моя единственная связь с миром с тех пор, как умер папа. Я не знаю, как я буду без него и буду ли вообще хоть чем-нибудь.*

*Я начинаю слабо возражать, но Лэндон закрывает глаза, и мои сомнения на время отступают, сдаваясь ощущению его губ в моей ладони. Он целует их медленно, словно растягивает момент, и, зная Лэндона, можно предположить, что это так и есть. Его губы поднимаются к моему запястью, и там он повторяет все то же самое, только теперь касается языком, и я, вся дрожа, закусываю губу. Глаза закрываются сами собой, и я, затаив дыхание, жду поцелуя. И опять жду, но ничего не происходит.*

*– Нова, – говорит Лэндон тихим, хриплым голосом. – Открой глаза.*

*Я послушно открываю, немного разочарованная. Я и правда думала, что он меня поцелует.*

*Его медовые глаза тлеют, как угольки, в ярком солнечном свете. Губы приоткрываются, и тут же он смыкает их снова, пристально смотрит на мой рот и вздыхает.*

*– Я не врал, – говорит он, оглядываясь на дерево, и снова черкает карандашом по бумаге. – Я бы тебя целыми часами рисовал... даже целыми днями. Это было бы лучше всего. – Лэндон осторожно касается кончиками пальцев уголка моего глаза, потом убирает руку, и замешательство в его глазах усиливается. – Особенно вот что.*

*Я не знаю, как ответить, поэтому не открываю рта. Лэндон опускает голову, и пряди волос падают ему на глаза. Рука снова приходит в движение, переноса на бумагу очертания огромного голого дерева вдалеке. Смушение исчезает с его лица, он успокаивается, погружаясь в свое творчество, а я теряюсь в догадках: почему он не поцеловал меня и почему, когда хотел поцеловать, у него было такое печальное лицо?*

*У меня начинаются рвотные позывы – выпитое просится обратно. Я перегибаюсь через перила, и меня выворачивает наизнанку, пока желудок не делается пустым, мышцы живота не начинают ныть, а на гравии под лестницей не остается лужа рвоты. Я вытираю рот тыльной стороной ладони, отворачиваюсь и сползаю на деревянный пол. Обнимаю колени, прижав их к груди, прислоняюсь спиной к перилам, запрокидываю голову и смотрю на звезды, ярко сияющие в угольно-черном небе. Начинаю их считать, одну за другой, мой мозг и тело потихоньку расслабляются.*

*Я сижу так, пока дверь трейлера не распаивается и опять с грохотом не захлопывается. Я отрываю взгляд от неба, перевожу его на дверь в надежде, что это Делайла и тогда можно будет убраться наконец отсюда. Но это всего-навсего Ники.*

*Вид у нее разъяренный, лицо красное, она сердито топает по лестнице к гравийной дорожке.*

*– В гробу я видела и тебя, и твои рисунки дурацкие!*

*Дверь снова открывается, и выходит парень с медовыми глазами. Во рту у него незажженная сигарета. Стоя на верхней площадке лестницы, он прикрывает сигарету руками и закуривает, а с Ники тем временем сваливается блестящая розовая туфелька на шпильке.*

*– Козел ты, вот ты кто! – кричит она и швыряет туфлю в него.*

*Парень выпускает дым изо рта, туфля пролетает у самой его головы, но он даже не вздрагивает. Ники топает босой ногой, а парень наклоняется за ее туфлей. Спускается на одну ступеньку, протягивает Ники туфлю, которую та вырывает у него из рук.*

– Чтоб я еще раз с тобой связалась?! – шипит она, кое-как попадает ногой в туфлю, пошатываясь на осыпающемся гравии. – Ты придурок какой-то... Ты... – Она надевает туфлю и выпрямляется. – Ты вообще когда-нибудь хоть что-нибудь чувствовал? – Она скрещивает руки на груди и топает ногой, ожидая ответа.

Парень глубоко затягивается, грудь у него приподнимается и опускается, когда он выдыхает дым ей в лицо.

– Не сказал бы, – хмуро отвечает он, проводя большим пальцем по кончику сигареты, и пепел рассыпается по земле.

Ники сжимает кулаки, возмущенно взвизгивает и несется к своей машине, развернувшись так резко, что волосы разлетаются по плечам. Парень глядит ей вслед, пока она не отъезжает, затем опирается руками о перила и всматривается в темноту.

Он долго стоит так, и я все больше сомневаюсь: он вообще заметил, что я здесь? Может, мне просто встать и уйти? Или так и сидеть, пока он сам не уйдет в дом? Я начинаю нервничать, ладони становятся влажными. Не могу ни на что решиться.

– А тебя родители и правда, что ли, в честь машины назвали? – вдруг спрашивает он, не глядя на меня.

Я отвечаю не сразу:

– У отца была такая машина, когда я родилась. Он любил ее и меня любил, вот и решил, что имя подходящее.

Парень кивает, поворачивается спиной к перилам и приваливается к ним, чуть наклонив голову, чтобы посмотреть на меня.

– А сейчас у него все та же машина?

Я хочу покачать головой, но тут же останавливаюсь, не зная, как на это ответить.

– Ну, она и сейчас стоит у мамы в гараже, но она уже не его. – Я перевожу дыхание, а парень смотрит на меня непонимающе, и я нехотя добавляю: – Он умер шесть лет назад. Оставил машину мне, но я не знаю... Не могу как-то на ней ездить.

Понятия не имею, зачем я это рассказываю. Я никогда ни с кем не говорила об отце, только с Лэндоном, да еще иногда перед камерой.

– Понятно, – говорит парень, и на лице у него появляется новое выражение: грусть пополам со злостью, да еще с оттенком неловкости. – Нехорошо вышло с Ники. Она просто обозлилась на меня за... Да я уже, хоть убей, не помню за что. – Он с потерянным видом отводит взгляд, и я замечаю, что глаза у него красные. Он, должно быть, под кайфом и утром уже ничего не вспомнит. И меня тоже. Странно, но мне слегка обидно.

– Тебе незачем перед ней извиняться. – Я поднимаюсь на ноги, отряхиваю пыль с ног. – Ты не виноват.

Его губы начинают было изгибаться в улыбке, но не успеваю я перевести дыхание, как она пропадает.

– Ну, это утешает. Что не я один так на нее действую.

Я снова прислоняюсь к перилам, ставлю на них локти. Между нами всего одна ступенька, но кажется, что он где-то очень далеко.

– Откуда ты ее знаешь? Ты же здесь не живешь?

Парень качает головой, вставляет сигарету в рот и посасывает кончик.

– Я тут только на лето. Тристан – мой кузен, а мне надо было где-то перетоптаться. Он и предложил. – Из рта у парня вырывается облачко дыма, он со страдальческим выражением лица пожимает плечами.

– Тристан хороший, – говорю я, возя ногой по ступеньке. – Я его с детства знаю.

– Да, он отличный парень. – Парень хмурится, глядит вниз, сдвинув брови. – Умеет забыть кое о чем.

Он прерывисто вздыхает, а когда поднимает на меня глаза, я чуть не падаю. Это уже слишком! Так похож – я просто не знаю, что делать. Кажется, сердце опять вот-вот разорвется. Хочется убежать, спрятаться, лишь бы не переживать это снова, но хочется и избавиться от этой боли, если уж в тот раз не смогла.

– Как тебя зовут? – спрашиваю я, делая нерешительный шаг к нему и понимая, что этим вопросом уже чуть-чуть приоткрываю дверь.

– Ах да, извини. – Он протягивает руку, и ладонь у него вся в угольных пятнах. – Куинтон.

Я почти ждала, что он скажет «Лэндон». Пальцы у меня дрожат, когда я вкладываю руку в его ладонь, но, как только наши руки соприкасаются, я чувствую, что мне делается по-настоящему спокойно в первый раз за весь год.

– Приятно познакомиться, Куинтон.

– И мне приятно с тобой познакомиться, Нова, тезка «шевроле».

На его губах снова появляется легкий намек на улыбку, он сжимает в своих длинных пальцах мои руки, кожа у него теплая. Мне это не нравится, потому что, когда я в последний раз коснулась руки Лэндона, она была холодная как лед, и это мучительно напоминает о том, что Куинтон не он, всего лишь похож, да и то не очень. Просто человек, который носит в душе тоску и боль, как Лэндон когда-то.

– Значит, ты здесь будешь все лето? – спрашиваю я, не в силах выпустить его руку, понимая, что спокойствие меня покинет, как только я это сделаю – снова отпущу Лэндона.

Куинтон кивает, шевелит пальцами, и я думаю, что он сейчас отстранится. Но он все так же держит меня за руку.

– Да, по крайней мере до тех пор, пока не придумаю план.

– План?

– Ну да, план жизни, или как там еще это называется.

– Я никак не называю, – честно отвечаю я. – У меня его, в общем-то, и нет.

Куинтон смотрит на меня в упор со смущенным видом:

– Да, у меня тоже нет. – Лоб у него морщится, он закусывает губу и кидает мимолетный взгляд на мои губы. – Ты не хочешь...

Дверь с сеткой распахивается и с грохотом ударяется о стену дома. Мы поспешно расцепляем руки, Делайла с Диланом выходят на лестницу, улыбающиеся, с довольными глазами. Делайла замечает, что мы с Куинтоном отодвигаемся друг от друга, и тайком с любопытством косится на меня, но мне не до того – я чувствую только, как уходит из меня покой.

– Ну, я вижу, знакомить вас уже не надо, – замечает Дилан с понимающим видом, словно догадался, что происходит.

А ничего и не происходит – по крайней мере, так я говорю себе.

Дилан достает из кармана расстегнутой клетчатой рубашки пачку сигарет и начинает их чем-то набивать, а Делайла подбрасывает в руке бутылку с пивом и приглаживает разлохматившиеся волосы.

Куинтон бросает сигарету через перила.

– Я пойду в дом, – бормочет он и торопливо шагает к двери.

Мои пальцы так и тянутся, чтобы схватить его за рубашку. Мне хочется его удержать, хочется умолять и расспрашивать, пока он не расскажет, почему у него такой подавленный вид, но я только смотрю ему вслед. Когда дверь за ним захлопывается, я чувствую себя такой виноватой, как никогда в жизни.

– Я бы уже домой поехала, – говорю я Делайле, держась за живот – опять накатывает тошнота.

Делайла обычно недовольна, когда я начинаю слишком рано собираться домой, но сейчас она смотрит на меня и кивает:

– Ладно, подожди меня в машине.

Я тоже киваю и торопливо иду к воротам, размеренными, но быстрыми шагами, напоминаю себе на ходу: считай и дыши. Забираюсь в машину, запираю дверь на замок и мысленно точно так же запираю свои чувства. Делайла на лестнице целует Дилана на прощание, а к тому времени, как она садится в пикап, я уже почти прихожу в себя.

– Господи, Нова, да что с тобой? – спрашивает Делайла, усаживаясь на водительское место и захлопывая дверь. – У тебя такой вид, будто тебя сейчас вырвет или что-нибудь в этом роде.

– Я выпила одну рюмку. – Я скрючиваюсь на сиденье и хватаюсь руками за живот. – Подташнивает немного.

Делайла вставляет ключ в замок зажигания, и мотор начинает реветь.

– Раньше ты рюмок пять подряд заглотить могла, я сама видела. Давай выкладывай правду, в чем дело. Может... может, у тебя что-то произошло с этим Куинтоном? Дилан говорит, он парень с большими проблемами; по-моему, тебе это меньше всего сейчас нужно. – Она умолкает, размышляет о чем-то, крутя ручку радио. – Хотя было бы неплохо, если бы ты с кем-нибудь начала встречаться. А то ты, если с кем-то и связываешься, так только вдребзги напившись.

Делайла выезжает задом с парковки, а я неотрывно смотрю на дверь трейлера.

– Я так хочу, – отвечаю я. – И между мной и Куинтоном ничего нет.

Эти слова мне самой кажутся бесстыдной ложью – на самом деле что-то есть. Я что-то почувствовала в первый раз за целый год, даже больше, только вот сама не могу понять что.

## Куинтон

Это, конечно, замечательно, что Ники на какое-то время заставила меня забыть о наркотиках, и все же я зол на нее как черт. Да еще и эта девушка, Нова, совсем сбила меня с толку. Смотрит и смотрит, так растерянно, с настоящим ужасом, и я не понимаю почему – разве что она откуда-то знает про меня. Потом выбегает из дома с таким видом, будто ее сейчас вырвет, и Ники что-то такое говорит: мол, у нее не все дома. А я Ники говорю, что это у нее, дуры, не все дома, если она думает, что у кого-то тут есть дело до ее мнения. Не знаю уж, с чего я так взвился. Я и Ники эту почти не знаю, да и Нову, если на то пошло, но вдруг почувствовал, что должен ее защитить, может, потому, что она сама себя, похоже, защищать и не пытается.

Ники в бешенстве выбегает из дома. Я иду следом – не из беспокойства за нее, а из боязни, как бы она не сказала Нове какую-нибудь гадость. Делаю вид, что вышел покурить, смотрю, как Ники уезжает, и говорю себе, что надо идти обратно в дом.

«Оставь бедную девушку в покое. Ты не зря обходишь таких девушек стороной. Ни к чему тебе разрушать еще чью-то жизнь или привязываться к кому-то».

Нова сидит на ступеньках, подтянув колени к груди, с таким одиноким видом, что у меня как-то не хватает духу бросить ее тут одну, такую расстроенную. И тогда я завожу с ней разговор, и в конце концов мыжимаем друг другу руки – или держимся за руки, точнее, потому что, кажется, оба не хотим их разжимать.

Не то чтобы мы о чем-то важном говорили, но мне не понравилось, что я заметил, какая она красивая, и даже начал думать, а если бы ее нарисовать. У нее такие необыкновенные глаза. Должно быть, большинству людей они кажутся просто голубыми, но, приглядевшись, я замечаю, что в них притаились зеленые крапинки. Губы у нее на вид чертовски мягкие, а на носу веснушки, и я уже представляю, как рисовал бы их часами, все до одной. Мне ужасно нравится, как ее волосы спадают на голые плечи, и чуть кривоватый нос тоже нравится.

Именно маленькие несовершенства делают Нову идеальной моделью для рисования, и мне хочется увести ее к себе в комнату и часами смотреть на нее.

А еще она дважды заставила меня улыбнуться, а у меня уже давно никто не вызывал улыбки. Когда я понимаю, что за чувство шевелится в моей душе, то пугаюсь, и мысли лихорадочно мечутся. Я уж чуть было не позвал ее с собой в дом, а это-то совсем ни к чему с такой девушкой – с той, с которой можно поговорить по-настоящему, а не просто трахаться. К тем, у кого за душой ничего нет, зато потрахаться любят, я никогда не привяжусь, а мне ничего другого и не надо... Другого я не заслуживаю. К счастью, Дилан выходит в ту самую минуту, когда я уже готов был позвать Нову в дом, я пользуюсь случаем, чтобы сбежать, и иду напрямик к холодильнику за пивом.

Тристан изучающе смотрит на меня с дивана, закинув ноги на кофейный столик, и выковыривает перочинным ножиком смолу из стеклянной трубки.

– Что это ты там делал?

Я беру пиво и захлопываю дверцу.

– Так, поговорили.

– С Новой, – хмурится он. Ему, похоже, не по душе эта мысль.

Я срываю с бутылки крышку и бросаю в мусор.

– Да, но ты можешь не волноваться.

Тристан кладет трубку на стол, у ног.

– А кто сказал, что я волнуюсь?

Я пожимаю плечами и иду через гостиную в коридор – хочу запереться у себя в комнате, отключить намертво все мозговые клетки и рисовать несколько часов подряд.

– У меня просто сложилось впечатление, что у тебя к ней что-то есть.

Тристан замолкает, а я ныряю за занавеску и думаю: если бы можно было оказаться не здесь, а в прошлом, год назад, и вовремя остановить машину.

Дойдя до своей комнаты и заперев дверь, я расстегиваю молнию на сумке и нахожу две вещи, которые еще способны меня радовать. Беру трубку и альбом и падаю на кровать. Откладываю альбом в сторону, достаю из кармана зажигалку, набиваю трубку и подношу к губам. Щелкнув зажигалкой, глубоко затягиваюсь и вдыхаю в себя бесчувственное опепенение жадными, нетерпеливыми глотками. Когда легкие начинают обугливаться, а беспокойное ощущение в теле пропадает, я устраиваюсь поудобнее на кровати, кладу альбом на колени и начинаю водить карандашом по рисунку, над которым работаю уже год, но все никак не могу закончить. Потому что когда закончу, то почувствую, что должен наконец принять это – Лекси больше нет. И это я ее убил.

Я все рисую и рисую и курю кальян за кальяном, пока не погружаюсь в себя так глубоко, что остается только отключиться. Отбрасываю альбом, укладываюсь на грязный матрас и закрываю глаза, надеясь, что под таким кайфом кошмары не приснятся. Хотя на самом деле мне редко так везет.

\* \* \*

*Кровь течет по лбу, по щекам так сильно, что я почти ничего не вижу. В груди больно, и эта боль невыносимая, хуже, чем когда я нечаянно треснул по пальцу молотком и раздробил все кости. Кажется, я не могу пошевелиться, и приходится заставлять легкие втягивать воздух.*

*Я застрял вверх ногами, кровь шумит в голове, а вместо пола машины – небо. Повсюду камни, земля, трава, а боковым зрением я вижу какой-то беспрестанно мигающий огонек.*

*Я кашляю, изо рта течет кровь. Шарю наугад руками в темноте, пока не нащупываю замок ремня безопасности. Нажимаю на кнопку, пряжка выскальзывает из замка, ремень*



ослабевает, и я падаю, ударяясь головой о помятую крышу автомобиля. Опять кашляю кровью, когда переворачиваюсь на бок и привстаю на четвереньках, моргая от боли, раскалывающей череп, и выползаю из машины. Оглядываюсь и замечаю, что в машине никого нет. Где они? Выбрались и пошли за помощью? Или... или их выбросило. Никто ведь, кроме меня, не был пристегнут, это я точно помню. «Почему я не заставил их пристегнуться?»

Трудно разглядеть что-то, кроме огонька, мигающего за деревьями у озера, и слышно только, как волны плещутся рядом. Я втягиваю в себя воздух; шатаюсь, встаю на ноги; запинаясь, иду по гравию, по осколкам стекла, по скрюченным обломкам металла, постанываю, когда грудь пронзает режущая боль. Рубашка у меня вся изрезана, грудь тоже, кровь течет, впитывается в ткань. Боль такая, что мозг ее уже не воспринимает, но черт с ней, с болью. Я должен найти Лекси.

Согнувшись, я ковыляю по обочине.

– Лекси... – кашляю я, запинаясь одной ногой за другую. Падаю на гравий, обдираю ладони. – Лекси...

Голос у меня слабый, почти неслышимый, но я снова и снова поднимаюсь и иду по дороге. Еще через несколько шагов колени у меня подгибаются, и я падаю на асфальт. Будь оно все проклято, это я во всем виноват. Тянусь за телефоном, но в заднем кармане его нет.

Руки дрожат. Я пытаюсь вспомнить, что произошло. Мы столкнулись с другой машиной, перевернулись несколько раз и остановились у самого озера. «Дерьмо...» Дышать трудно, веки тяжелеют, я переворачиваюсь на спину и смотрю в небо. Я уже готов сдаться, но тут до меня доносится ее голос.

– Куинтон... – Голос еле слышен, но он будит во мне надежду.

Сам не знаю как, но я все же поднимаюсь на ноги и бегу на звук ее голоса, хотя от потери крови голова кружится все сильнее. Но все это не важно. Боль. Раны. Вообще все, что я чувствую. Лишь бы дойти до нее. Я спотыкаюсь о дерево, путаюсь ногами в траве и вновь слышу ее голос. Иду на звук, все замедляя шаги, когда ее силуэт вырисовывается в темноте, и вдруг понимаю, что хочу только одного: лечь и умереть рядом с ней.

## Глава 4

### Нова

– Ну и сколько мне еще лежать? – спрашиваю я Лэндона в сотый раз.

Я лежу на его кровати, руки расслабленно вытянуты вдоль тела, голова запрокинута. Платье задралось на бедрах, я практически свечу всем, чем можно. Я хотела поправить подол, но Лэндон велел мне не двигаться, сказал, что я выгляжу отлично. Мне, честно говоря, довольно неловко, но я уступаю: очень трудно сказать «нет», когда он смотрит такими жалобными щенячьими глазами. Ими он добивается от меня чего угодно. Да, в общем-то, я и так на все ради него готова.

– В жизни таких непосед не видел, кроме шуток. – Рука его летает над листом бумаги, на губах видна тень улыбки. Рубашки на нем нет, не знаю почему. Он так сидел, когда я пришла. Он в джинсах, волосы падают на лоб в обычном лэндоновском стиле. В комнате пахнет травкой, должно быть, он курил перед тем, как я пришла. Он старается не курить при мне и говорит, что я слишком хороша, чтобы курить самой. Непонятно: если я для этого слишком хороша, почему он не слишком хорош?

– А я таких копуш в жизни не видела, – отвечаю я и улыбаюсь, глядя в потолок.

Стены у него в комнате выкрашены в черный цвет, и от этого тут всегда как будто темно, даже в полдень, а одна стена вся увешана рисунками – люди и виды, которые что-то для него значат, или те, что каким-то образом будят в нем вдохновение. А моего портрета там нет. Это первый раз, когда Лэндон взялся меня рисовать. Почему – понятия не имею. Мы уже не первый год знакомы, но он никогда не спрашивал, можно ли меня нарисовать. До сегодняшнего утра.

– И все-таки почему ты решил меня нарисовать? – спрашиваю я и дергаю носом, потому что он вдруг зачесался.

– Просто показалось, что время пришло, – пожимает плечами Лэндон.

Фоном играет музыка, я начинаю подпевать, раз уж никак не получается вывести, что у него на уме.

– Знаешь, бывает так – застрянет в голове какая-нибудь песня, – произносит он с тихим вздохом. – Крутится и крутится, как ни стараешься ее прогнать, пока наконец не начнешь петь вслух.

– Да. – Я улыбаюсь, доневая куплет.

– Ну так вот почему я тебя рисую.

– Потому что я застряла у тебя в голове?

– Потому что я все время думаю о тебе, – говорит Лэндон, и я сразу забываю дышать. – На самом деле уже давно.

Спрашивать страшиновато, но не могу удержаться:

– А это хорошо или плохо? Когда песня застрянет в голове, это, вообще-то, раздражает.

Лэндон молчит, и я жду, что сейчас он начнет надо мной подшучивать и дразнить: да, мол, я его уже до печенок достала. Но он ничего не говорит, даже шороха карандаша по бумаге больше не слышно. Мне хочется опустить голову, чтобы взглянуть, что он там делает, но страшно как-то, поэтому я просто лежу и напеваю вполголоса.

Через несколько секунд Лэндон склоняется надо мной с легкой, неуверенной улыбкой.

– Нисколько не раздражает. – Он упирается руками по бокам моей головы и нависает прямо надо мной. Я не двигаюсь, не дышу и ясно чувствую, что сердце у меня перестает биться. – Ты как самая любимая песня, Нова. Песня, которую хочется помнить всегда. Хочется слушать снова и снова.

Я стараюсь сдержать улыбку. Это похоже на какие-то заученные фразы. Но Лэндон не из тех, кто старается впечатлить девушек убогими пикаперскими приемчиками. Он вообще с девушками почти не разговаривает, а раз он привел в пример не что-нибудь, а музыку, то только потому, что хорошо меня знает.

– Поставишь меня на повтор? – по-дурацки ляпаю я. Когда он так близко, я нервничаю и оттого, вероятно, глупею.

Лэндон закусывает губу, подавляя улыбку.

– Я и так ставлю... Ты все время у меня в голове. – Он наклоняется ко мне, и я думаю: может быть, вот сейчас и будет поцелуй, настоящий, а не «почти». – Все время...

За миг до того, как наши губы соприкасаются, я замечаю проблеск печали в его глазах. Они делаются еще печальнее, чем обычно, но это пропадает, как только наши губы смыкаются.

Я медленно, прерывисто вздыхаю, по телу разливается тепло, язык Лэндона касается моего. У него вкус пряных специй, которые я никогда не решалась попробовать. Я знаю, что это не первый его поцелуй, но он знает, что для меня первый. Я не знаю, что Лэндон думает обо мне. Почему он целует меня? Мысли теснятся в голове.

– Нова... – шепчет он, и я понимаю, что его губы уже не касаются моих, но они совсем рядом, я чувствую кожей его теплое дыхание. – Ты хочешь, чтобы я остановился?

Грудь у меня опускается и поднимается, каждый раз касаясь его груди.

– Нет.

Лэндон облизывает губы и всматривается в меня, чуть отстраняется, чтобы убрать мне волосы со лба.

– Расслабься, – говорит он, я киваю, и тогда он снова накрывает мои губы своими.

Я стараюсь делать, как он сказал: расслабиться, но, когда его язык снова оказывается у меня во рту, начинаю паниковать. Вдруг я что-то неправильно делаю? Но по мере того, как его язык массирует мой, напряжение из мускулов уходит. Я становлюсь даже немного дерзкой, покусываю его губу, и ему это, кажется, нравится – по его телу проходит дрожь. Мои руки все еще лежат без движения вдоль тела, а его ладони оцупывают меня всю, гладят бока, талию, бедра. Его пальцы забираются под подол моего платья, и я замираю, думая, не сказать ли ему, чтобы остановился. Но, поискав в уме доводы, понимаю, что их нет. Мне хочется, чтобы он меня трогал.

Я выхожу из оцепенения и поднимаю руки к его груди, пользуясь случаем, провожу ладонями по крепким мускулам. Его руки добираются до края моих трусиков, и на секунду Лэндон наваливается на меня всем весом.

Я выгибаюсь ему навстречу, понимая, что нашей прежней дружбе теперь конец. Ну и пусть! Я хочу его... хочу.

Медленный поцелуй становится все более страстным, его язык блуждает у меня во рту, и тут я ахаю от неожиданности, когда он медленно просовывает в меня палец.

– Мне остановиться, да? – выдыхает он, отстраняясь на секунду, чтобы заглянуть мне в глаза.

Я моргаю, вся охваченная этими удивительными эмоциями, рождающимися в моем теле, стараюсь сосредоточиться на его прекрасном лице, на его горящих глазах, но уже теряю связь с реальностью.

– Нет... – кое-как выговариваю я, и тут шея у меня изгибается и голова запрокидывается назад.

*И Лэндон в ответ ласкает меня снова и снова, дарит мне ощущения, о которых я раньше могла только фантазировать. Целует до тех пор, пока мое тело не начинает протестовать, и ему приходится остановиться, иначе я потеряю сознание от недостатка кислорода. У него блестят глаза, он обхватывает меня рукой за талию, притягивает к себе и переворачивается на спину. Я роняю голову ему на грудь, глаза у меня удивленно распахнуты – я не могу поверить, что это случилось.*

*Я обвиваю рукой его живот, а он перебирает мои волосы.*

*– Ну как, я все еще кручусь у тебя в голове? – спрашиваю я и тут же закатываю глаза от досады на себя саму.*

*Его пальцы уже не приглаживают мне волосы. Лэндон проводит линию по моей щеке, к подбородку, подцепляет его пальцем и приподнимает, чтобы я посмотрела ему в глаза.*

*– Да. Кажется, даже еще хуже, чем раньше.*

*Он говорит так, словно разочарован, словно надеялся, что будет иначе, и мне становится грустно. Я уже хочу спросить, почему у него такое расстроенное лицо, но тут он тянется губами к моим губам и снова начинает целовать меня, и я сразу же обо всем забываю.*

## Глава 5

*1 июня, семнадцатый день летних каникул*

### Нова

Фоном играет бойкая мелодия «Last Resort» группы «Papa Roach», но я убавила звук, чтобы она не заглушала слова. Шторы задернуты и не пропускают утренний свет, влажные волосы у меня распущены по плечам – я только что из душа. Запись на компьютере идет уже минут пять, а я еще ни слова не произнесла. Несколько раз вставала и принималась ходить по комнате, стараясь собраться с мыслями и сложить их в какие-то внятные фразы.

Наконец решаю, что не стоит ничего планировать заранее, и смело плюхаюсь в кресло. Слегка волнуясь, наклоняю монитор под нужным углом, подгибаю ноги под себя, чтобы усесться повыше, и выпаливаю первое, что приходит в голову, подавив инстинктивное сопротивление внутреннего цензора:

– Итак, прошло чуть больше недели с того дня, как я приехала домой из колледжа, и сны и воспоминания о... – начинаю было я, но спотыкаюсь, понимая, что тут уже, хочешь не хочешь, придется назвать его по имени. Но это так странно: говорить о нем и смотреть на саму себя на мониторе компьютера. Я вижу, как от одной мысли о том, чтобы произнести его имя вслух, глаза у меня делаются огромными, а зрачки сужаются, словно меня вдруг настигло давнее воспоминание. Я делаю глубокий вдох, затем еще один, провожу рукой по волосам и убираю их от лица. – О Лэндоне. – Глаза у меня распахиваются еще шире. Что подумают люди, если это увидят? Какого мнения они будут обо мне и о том, как я вижу себя? – Сны о нем стали ярче, чем когда-либо, – продолжаю я. – С одной стороны, мне хочется как-то от них избавиться, а с другой – остаться в них... остаться с ним... навсегда. – Я сцепляю руки на столе, наклоняюсь ближе к экрану и вглядываюсь в свои глаза, отмечая, как расширились зрачки, обведенные тонкой голубой каймой. – Когда я гляжу на саму себя, все во мне так и кричит: перестань думать о нем, отключи воспоминания. Как будто это так просто... – Я выдыхаю, убираю волосы назад и придерживаю их рукой. – Я хочу знать почему... Нет, мне нужно понять почему... А я не знаю как... – Отпускаю свои волосы, легонько провожу пальцем по шраму на руке и откидываюсь назад в кресле. – Мне нужно как-то узнать, о чем он думал... Может быть, я все-таки сумею разобраться, почему он это сделал и почему я не заметила, что с ним происходит. – Я обкусываю ноготь. – А может быть, и заметила, просто признаваться себе не хотела.

Под конец, когда из моего рта вылетает эта жестокая правда, голос обрывается. Не хочу больше ничего слышать, не хочу думать. Выключаю компьютер – мне не хочется на себя смотреть.

\* \* \*

В тот же день мы с Делайлой сидим в моей комнате. Шторы раздвинуты, и летнее солнце бьет в окна, поэтому в комнате душно, хотя я и включила на полную мощность вентилятор. Я перебираю кое-какие свои видеоклипы, пытаюсь понять, в чем все-таки смысл всей этой фигни – разве что смотреть, как я сижу и болтаю всякие глупости, так в этом как раз смысла особого нет. Что я делаю – пытаюсь разобраться в себе? А можно ли это сделать

без Лэндона? Или я пытаюсь понять что-то о Лэндоне? О жизни? О смерти? О чем он думал в последние минуты и почему решил сделать запись?

И какого хрена у меня вечно столько вопросов в голове?

– Надо бы съездить в Фэрфилд на этот концерт в июле. Прикольно же. Тем более что ты помешана на музыке, – говорит Делайла, перебирая стопку дисков у меня на полке и вытаскивая несколько штук. На ней короткое красное платье, того же оттенка, что и губная помада, и всего лишь на пару тонов темнее ее волос. – И зачем ты их хранишь? CD уже никто не слушает.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.